

Геннадий ДОРНИН

БУРАТИНО, РАННИЕ ГОДЫ

Повествование в фиолетовых тонах

Внуку моему, Даниилу Олеговичу

С родственниками у Буратино всегда было туго – ни внучатых племянников, ни троюродных братьев, ни шурьев – никого!

Он остался один еще до печально известного закона от первого апреля позапрошлого года: «О некоторых перегибах политики в области генеалогии и родства», по которому были отменены и объявлены вне закона слова «теща», «брат», «шурин», «сват», «кум» – все, где есть хотя бы намек на родство. И все навек позабыли не только родню, но и соседей перестали замечать.

Тогда же всем были сделаны прививки от родства.

Так что Буратино давно один. С ним – ни-ко-го!

Апрельский закон отрегулировал, к удовольствию благоверных граждан, гендерные отношения. Запрещалось заниматься сексом чаще одного раза в месяц, а лучше – не заниматься им вовсе. Если же попал в безвыходное положение, если барышня взяла за горло, то рекомендовано было отдавать предпочтение совершенно посторонним прелестницам.

Хотя бдительные органы время от времени сообщали о разоблачениях любителей этого дела – то тут, то там, даже в столице, но семейная распущенность, можно сказать, процветала... Таким отступникам полагалось пять лет тюрьмы, но сексуальных бандитов ничего не останавливало.

В те дни были разработаны и внедрены в повседневную практику «моментальные разводы», когда брак расторгается через двадцать минут после торжественного бракосочетания.

Родство – это деструктивная сила, разрывающая социальную основу общества; семейные устои защищают приверженцы семьянизма, они за государство целиком, их девиз: «Моя страна – моя семья»... Против любых форм родства выступают представители правящей партии, их лозунг: «Мой мир – это я!»

Родство, как веригами, опутывает государство. «Насколько проще управлять разрозненной массой одиночек, чем вести за собой конгломерат дружин (называй, как нравится), в которых рано или поздно заводятся, как мухи на падали, свои Генералиссимусы, Великие вожди, Верховные кураторы. И каждый местечковый дон нанимает самого главного исторического академика и тот легко доказывает, что дон – прямой потомок Александра Македонского».

Народы, как водится, плевать хотели с пожарной каланчи на все законы, уложения и правила, многие смельчаки как ходили по воскресеньям к теще на блины, так и теперь не брезгают. Но стали замечать люди, что на головы отважных зятьев начинают сваливаться разные неприятности, мелкие, но много. То со старенького «Москвича» ночью снимут колеса, то замучают штрафами дорожные полицейские, даже если ты прирожденный пешеход...

Стали пропадать дамские сумочки, особенно с деньгами, кто-то из рогатки регулярно расстреливает лампочку над третьим подъездом, подорожало пиво. Родное человеколюбивое правительство знает много способов, чтобы вы могли почувствовать его силу. И тогда под вашей крышей поселится вся горечь мира.

И постепенно прелести родства стали отступать под напором антисемейной пропаганды. Больше других усердствовало телевидение, проливалось прямо

в души отраву безбрачия, заразу одиночества. Телеящик был забит фильмами о расставаниях, кинородня массово погибала чуть не в каждой картине. Даже всемирно известный художник Махорин, всегда подписывавший свои полотна так коротко: «Мы...» – должно быть, имея в виду, что его творческий метод вообрал в себя лучшее из импрессионизма, кубизма, сюрреализма, примитивизма, супрематизма, и непременно назывался в этом ряду социалистический реализм – теперь подписывал свои творения еще короче: «Я...»

И горечь жизни стала-таки перебарывать прелести родства...

Как быстро забывается всё хорошее!

Были и такие, кто с гордостью рассказывал о своих дядях-деверях-свояхах, а некоторые нашли в себе силы и сами отказались от компрометирующего родства и были вознаграждены за это – кажется, получили талоны, дающие право на скидку при покупке цветного телевизора, в котором диктор всегда объяснял, почему богатых меньше, а бедных больше, и почему так будет всегда.

В общем, родство не приветствовалось и, можно сказать даже, быстро угасало...

Пожалуй, Буратино мог бы называть родственником Папу Карло, человека, который хоть как-то причастен был к появлению Буратино на этом свете, в свое время он не пожалел пятерки на бумажную курточку и азбуку. Но и себя Папа Карло не забывал, большой любитель пива. Он напивался по пятницам и субботам, при этом орал:

– Люди, не забывайте, что после субботы приходит воскресенье! Вдумайтесь только – воскресение!

Мир держится на страхе смерти; с ним мы появляемся на свет и обречены таскать его всю жизнь, как каторжник кандалы.

... Мы обречены, но посмотрите, как мы веселы. По стране слоняются дивизионы юмористов, единственная задача которых рассмешить нас. Ради этого они готовы на всё: кричать куриными голосами, выходить на сцену голыми, переодеваться из мужиков в баб. Думаешь тогда: не сами же юмористы такое придумали, а если это так, то кто им приказал? Нет, все-таки нечистый всегда за спиной.

Некоторые легко употребляют формы будущего времени: «послезавтра», «отдам через месяц», «приходи на это место после Нового года»... Чудаки, да разве можно хоть о чем-нибудь договариваться заранее? Пустое, ребята... Жизнь – экспромт, игра без репетиций, без дублей.

Папу Карло поправляли: есть воскресенье и есть воскрешение, не надо путать народ, он и сам запутается.

Папа Карло продолжал, его не так просто заткнуть:

– Страх – мощный мотор – скорее, скорее, скорее! – секундомер остановится внезапно... А избавь нас от этого страха, мы такого наворотим!.. Или не наворотим? Так что берегите время, его у нас совсем немного, считайте не часы, а минуты, и спрашивайте себя: хоть что-то ты успел здесь, или надеялся, что тебя поднимут из небытия, чтобы ты дописал свой утлый роман, скучный, как утро вторника, правильный, как линия партии, в общем, приключенческий...

Так Папа Карло смущал народ, но если сказать честно, народ хотел сам, чтобы его смущали. Тут же, неведомо из каких земских глубин, вынырнул Белый проповедник с бородой лопатой и принялся уговаривать всех не искать бесмертия, а просить у Господа Бога легкого упокоения.

Нашлись и последователи, говорили:

«Человек смертен, все мы умрем – и некоторых это утешает. Человек существо парное – две руки, две ноги... Рождение и смерть – неразлучная пара... Не надо надеяться, что она будет нарушена...»

Чужие глубинные мысли, они были так похожи на свои собственные...

Развелось огромное количество толкователей, разъяснителей, которые божились, что имеют самые точные сведения (едва ли не из рук самого профессора Фоншульца) о том, что вакцина бессмертия существует, но никто не может сказать, когда она поступит на прилавки аптек. Наверное, на днях.

Потому что модераторы не могли решить, стоит ли народу знать об этом лекарстве. Только представьте себе, насколько выше станет держать голову бессмертный человек. Он заселит все времена. Заглянешь в тридцатый век, вот он тут смиренно стоит в очереди за бесплатным чечевичным супом, и в сороковом столетии он борется за спасение последней березки, и в сотом веке находишь его на железной планете, ржавой, как чугунок – он славно потрудились, победил всех, как вечный жид, сосредоточен, воспринимает себя всерьез. И он никуда не торопится.

Он будет свободным, ничего не станет бояться, – такого не заставишь врать на партийных посиделках. Разве такой нужен в сообществе людей, называемом часто нацией. Государством?

Народные модераторы повсюду имели уши и глаза. И в конце концов три года назад папу Карло, этого пламенного трибуна, отправили на чемпионат мира среди лесорубов, и он остался где-то в американских штатах среди американских же кленов, сосен, озер и водопадов. Обратного адреса не было.

Буратино помнил, как Папа Карло требовал называть его отцом, но не прижилось.

Он заставлял Буратино ходить в школу, в это гнездо скудоумия, обиталище ретроградов. Учителя в школах одним только взглядом прожигали серую бумажную ткань сюртуков, простой щелчок пальцами страшил больше удара кнутом. А еще розги; ах, как трепещет уязвленная плоть, как больно даются науки!

Школа навсегда осталась в памяти вместе с пучком розог. Познание и страдание почти синонимы...

Учебники каждый год появлялись новые, никто не старался хоть что-то из них запомнить. Они учили, как постигать постигнутое и четко выполнять только команду «Все назад!». Об этом Буратино рассказал спившийся учитель арифметики, тоже философ, кажется, Лувуазье-сан – не устававший повторять: «Правило буравчика выучили, кое-кто знает точные размеры “пифагоровых штанов”. Попадают даже такие, кто легко отличает тангенс от деэпричастного оборота!»

Так почему при таком потрясающем уровне познаний до сих пор не построен лифт на Марс?

Появлялась на горизонте некая тетя Фрося, она требовала, чтобы Буратино женился на ее дочери, показывала справку об освобождении из мест заключения, обещала, что вот-вот, и придет ее дочка, тоже недавно освободившаяся из тюрьмы, куда ее заточили буквально ни за что – пырнула ножом в живот лучшую подружку.

– Осрамил девчонку, теперь жаниться должен. Или хотя бы деньгой прикрыть срам!.. – кричала на весь театр женщина. – Православные, рятуите!

И так визгливо выходило у нее, так тошнотворно, что Буратино в отчаянье думал: «Если предполагаемая невеста хоть чуточку характером похожа на свою мать, то, может взаправду жениться на ней, а потом вместе с матерью заманить на необитаемый остров и оставить там на радость дикарям, которые доселе верны заветам каннибализма, впрочем, как и весь мир».

Тетя Фрося поселилась рядом с письменным столом Буратино, расстелила на полу пеструю – заплатка на заплате – цыганскую перину, и бывала очень недовольна, если Буратино засиживался за компьютером допоздна. Дочка ее,

громкая, растрепанная, вскоре приехала и, не говоря ни слова, принялась растилать такую же, как у ее матери, перину. Потом выпрямилась, огляделась и внезапно бросилась на шею Пьеро с воплем «Папа, папочка, узнаю тебя!». И вышел полный конфуз... Буратино даже пожалел брачную авантюристку, устроив ее спустя пару недель в студенческое общежитие женского педагогического института.

Жизнь тети Фроси и ее дочки Мани Зажиточной была сплошным недо-разумением (и фамилия Мани – тоже обманная, не было у нее за душой ни гроша), и несчастных женщин было очень жалко.

Большую часть безразмерного своего времени они проводили на перинах у письменного стола Буратино. Не выгонишь ведь их. Тем более что они время от времени устраивали настоящие пиры. Если день выпадал счастливый и удавалось предсказать судьбу заведующей овощной палатки «Ягодка номер пять» или уверить засушенную, должно быть, аскезой, жену городского, что ей необходимо поехать на кислые воды – и там она расцветет со всей пышностью своих пятидесяти пяти, или так раскинуть колоду карт, чтобы закружились головы от юных нецелованных валетов, от опытных дам – только что из Версаля. Чтобы загорались глаза поздней (а вдруг?) надеждой при виде каре молодежавших королей, похожих на менеджеров среднего звена. И тогда вечером пир. Женщины доставали из мешков изощренную снедь: коньяки-мадеры, рябчики-каплуны, в крайнем случае у них всегда находилась каждому горбушка черного, а к ней щепоть индерской соли и головка чеснока...

С некоторых пор стала приходить таинственная женщина – специалистка по сбору пустых бутылок – мадам Карабасова, интеллектуалка, совсем чуть-чуть заблудившаяся в этой жизни. Она любила портвейн и свою утраченную молодость, вместе с которой сгорела ее безответная любовь. Некого Гришу она иногда вспоминала после третьего стакана. Было известно, что Гриша по-прежнему любим, но не прощен... Она явно не рвалась в родственницы Буратино... Повторю: он был один-одинешенек.

...В общем, я думал, что запас известных мне историй о приключениях Буратино уже исчерпан, но оказалось, что это не совсем так, и убедил меня в этом серьезный человек – Даниил Олегович, мой внук.

– Почему ты не напишешь новую книгу? – спросил он. – Разве уже всё написано? Разве литература приказала долго жить? Напиши для меня и моих друзей.

Признаюсь, время от времени я думал об этом же: даже если окажется, что последние книжки уже написаны на земле, то почему бы мне не написать «самую последнюю книгу» или «самую-самую последнюю», или «первую после последней», разве сама литература не мистифицирует нас с самого дня своего рождения?

– А там, глядишь, и поправится дело с читателями, – обнадежил меня внук. – Я обязуюсь прочитать твои книжки, кое-кому из моих друзей тоже не в лом полистать твою писанину. В любом случае, у тебя прибавится не менее двух читателей (еще бабушка обещала одолеть пару рассказов). По нынешним временам порядочно...

Я задумался: а может, действительно взяться? Вдруг именно эта попытка окажется удачной, и мне удастся заглянуть туда, где однажды осенью я оставил не берегу Урала гибкое вязовое удилище, воткнув его колом во влажный прибрежный песок; весной я нашел удилище, только теперь это было молодое деревцо, – ярко-зеленые листочки украшали его. В наших краях в то время случалось и не такое, зацветали даже черенки штыковых лопат, залежавшиеся в земле приклады автоматов.

Поиски ушедших времен – штука опасная. И, скажу я вам, совершенно бесполезная. Не стоит тратить время, оно только отодвигает вас от цели. Говори так: будущего нет, его вообще не бывает, прошлое – обман, у каждого оно свое, живи сегодня; через пять минут может быть поздно. Заглянуть в прошлое в лучшем случае можно через мутный целлулоид вековой кинохроники, где люди куда-то торопятся, вертлявые женщины в смешных фетровых шляпках поминутно заглядывают в объектив и беззвучно хохочут, паровозы в кинотеатрах безнаказанно наезжают на зрителей, и трясут плюмажами последние короли, похожие на официантов.

Почему нас буквально притягивает к себе прошлое – обманном ли ветром, жестокой ли тоской, водоворотом ли остывающих страстей? Мы готовы за полчаса очень среднего прошлого отдать всё будущее, в придачу – настоящее, упакованное в мешках наподобие инкассаторских.

Микроб прошлого живет в каждом из нас, и это прогрессирующий микроб. Отравленные им бросаются в археологические экспедиции, откапывают засыпанные вулканическим пеплом города, пишат ученые книги и делают другие глупости. Свое прошлое они, конечно, не находят, в лучшем случае врут, что были в двух шагах от него. Но они не унывают, пускаются в новые поиски. Заражая окружающих этой ностальгической лихорадкой, они не могут даже представить себе, что нет более унылого места, чем наше прошлое, вымокшее от слёз. Из того, что дорого нам, там ничего невозможно найти. Разве только подвернется не очень заплаканное одиночество, некоторые так сжились с ним, что всерьез полагают, что на планете, кроме них – никого. Ни души.

Признаюсь, я тоже из этих подозрительных людей, которым кажется, что они будто бы только чуть-чуть, самую малость опоздали – промахнулись мимо нужного времени, не попали в нужное место, но всё поправимо, стоит только прибавить шаг – и вот оно прошлое, как живое, а за ним ясно маячит светлое будущее.

Но время уходит, просыпается сквозь пальцы, как горячий песок, и не догнать его, и не остановить... В этой гонке, спотыкаясь, набивают не шишки и ссадины – разбивают сердца... Но чудачки споро зализывают раны, на них всё заживает, как на собаках – и вот они снова в пути. Может, именно эта попытка окажется удачной? Вдруг?

Не хмурься, Даня, всё к лучшему...

* * *

...Мадам Карабасова нашла этот тяжеленный черный ящик, из которого торчали какие-то рычажки, куски проводов, в тот год, когда она распрощалась с лучшей своей подружкой Шурой, может, годом-другим позже. Собственно, Шура была и лучшей подругой, и худшей – она была одной-единственной. Большая была любительница разговоры разговаривать – вроде бы ни о чем, а всё равно интересно. И вот собралась и уехала в страну Испанию – не на неделю, не на год – навсегда. Внуки с собой увезли. «Здесь за тобой даже присмотреть некому, – сказали они, – а в Камбрильсе у Вадьки домина выстроен об двенадцати комнатах, почти пустой стоит, только в сезон люди приезжают – где простынки им поменять, где цветы полить, где пыль вытереть, а всё остальное время – отдыхай, оздоравливайся».

Шура хотела возразить внукам, что страна Испания – далекая страна – за тридевять земель, и уже не отпустит ее никогда, а ей не хотелось бы навек оставаться в чужой, хоть и курортной, земле. Старший внук изумился. Он не знал, что на земле есть люди, способные отказаться от Испании.

Внуки усадили Шуру на переднее сидение, чтобы у бабушки обзор был почти круговой – о такой красоте (через всю Каталонию на машине) можно было только мечтать, а Шура, видать, мечтала совсем о другом и была все эти последние прощальные дни как в воду опущенная, притихшая, нахохлившаяся. Мадам Карабасова даже опасалась за нее, но та в день отъезда даже вальерьянку не принимала, «не дурила себе головы, не жгла души микстурами», распрощалась с пани Карабасовой, с соседями (а больше не с кем), махнула рукой и отвернулась от провожавших, ставших в одну минуту чужими – невыносимо было ей расставаться со своим городом, любимой рекой, даже крошечной улочкой – Буанной...

* * *

...У них там такие края, что их все любят, так уж получается, – нельзя не любить. Любовь эта коварная, не сразу дает о себе знать, а потом навалится – дышать трудно. Живешь себе, не думаешь, конечно, ни о какой-то любви, за нас в районной газете об этом неустанно думают, и даже пишут; по утрам бегаешь на Урал удить уклеек, за тобой увязывается громадный рыжий кот Сырбала и строго следит за твоими манипуляциями с удочкой; и, наверное, ты не сильно удивишься, если однажды Сырбала откроет рот и скажет:

– Мужик, здесь на опарыша ловить надо, не на червя.

Когда на рыбалку не идешь, всё равно просыпаешься с первыми лучами солнца, потому что дни прежде случались не короткие, но их тоже не хватало, – пружина жизни накручивалась нами до отказа.

По вечерам горожане отдыхали в сиреневом садике; ели пломбир в вафельных стаканчиках, запивали клюквенным морсом, – в общем, ничего особенного – зимой снег, осенью ноябрьская тоска, в мае Первомай, флаги, рождение той женщины...

Но иногда обыденный ход жизни преображался, праздники становились праздниками, любовь разжигала угасшие, казалось, костры, приходили пропавшие полжизни назад телеграммы «проездом, тчк, поезд №7, тчк, вагон 9, тчк. Люблю, тчк, Лена, тчк встречай»... Кажется, так никто и не встретил Лену, и она, поседевшая, носится по вокзалам, полустанкам, привокзальным гостиницам, верит, что он ждет ее на следующем полустанке.

...Внуки второпях (они всё время куда-то торопились) позабыли множество нужных Шуре вещей. Конечно же, остался дома вековой самовар – еще от бабушки Александры Львовны. Не поехали в страну Испанию старенькие книги (старший внук сказал, что в них набились пуды пыли), не увидят Пиренеи и напольные часы с маятником, похожим на обоюдоострую секиру палача... Много ценного оставили внуки; у Шуры сердце кровью обливалось, но она не давала воли слезам, смотрела из машины на разворачивающиеся ухоженные пейзажи...

Но хуже всего для Шуры была пропажа большой сумки с письмами, фотокарточками (именно – фотокарточками), наградами.

За жизнь у человека должно набираться с дюжину медалей, почетных нагрудных знаков, похвальных листов, всяких поздравительных бумажек. Шура очень дорожила этим своим архивом, как осколками заканчивающейся жизни. Они с мадам Карабасовой любили перебирать эти сокровища, им казалось, что крепкий молодой мир не обветшал, не исчез навек, а притаился в этих альбомах и папках...

Но случались дни, когда тамошний люд словно пробуждался, говорил потрясенно:

– Благодать-то какая! Господь привел жить в таком месте...

Любовь и нежность были в этих словах... Поэты, обжигая души, чаяли золотой строкой увековечить красоту степей, лесов, желтой, будто золотой, реки... Писатели бессонными ночами складывали повести и целые романы, где величали своих земляков. Но златоусты сходились в одном: не нашлось пока такого пера, которое бы достойно рассказало о том, как в пять утра над Уралом рождается первый ветерок и начинает разгонять предутренний туман, словно накладывая палитру – розовое по синему; оранжевое солнце еще прохладно, но чайки уже над водой – они союзники – горластая, жадная чайка и жерех, бьющий глупого малька...

Мир просыпается в пять, а мы на минуту раньше. Нам любопытно увидеть, как возрождается мир, как забиваются под старый комод сгустки черного мрака – прощайте до ночи, как растворяются без остатка сомнения, страхи, рожденные твоим воображением...

Милая моя, мир просыпается, ему не терпится увидеть тебя... Мне тоже.

Тот, кто рожден на этих берегах, будет всю жизнь грезить ими, невозможно разлучиться с ними по своему хотению.

Шура убеждала себя, что она сама выбрала Испанию, там тепло, там внукам хорошо, но как будто что-то сгорело в ней, не хватало воздуха...

Она, наконец, разрыдалась, сказала, когда внуки вытерли ей нос батистовыми испанскими платочками:

– Мое одиночество меняет адрес. Ничего необычного. Я не в настроении, я еще разойдусь...

После того, как уехала Шура, мадам Карабасова думала, что вот-вот, и разучится говорить – это вопрос ближайших двух недель. Обсуждать с соседями грядущее снижение цен на гречиху ей не хотелось, как не хотелось смотреть телевизор, разыскивать в Интернете одноклассников, которых всегда находится больше, чем их всего было.

Вскоре она стала замечать в себе признаки непонятной (чего непонятно-го?) угрюмости, нелюдимости, ненависти к телефону, который с некоторых пор замолк, а если и звонил, то напоминал о задолженности в три рубля семнадцать копеек, которая нечаянно образовалась из-за того, что номер какого-то бедолаги из Норильска набрался сам собой, а может, просто рука дрогнула?

Мадам Карабасова очень скучала, но уговаривала себя: вот Шура обживется, обустроится и пришлет ей длиннющее письмо, и они станут обмениваться восхитительными посланиями – умными, тонкими, полными метких наблюдений. Эти эпистолярные не могут не заинтересовать читающую общность – и прощай тоска, бесцельное существование.

Но Шура не написала ни письма, ни записочки, и даже спросить о ней было не у кого, разве что у старой учительницы английского языка, которая тридцать лет назад была в Барселоне на каком-то симпозиуме – не то по испанскому языку, не то по русскому. Учительница сама давно забыла, какими ветрами ее заносило в славный городок Гауди (а может, ей приснилось?), но с тех пор в своем городе она считалась экспертом по Испании, и даже бери выше – по всему заграничному. К ней вереницей шли с просьбой перевести инструкцию к швейной машинке, этикетку на бутылке дорожущего портвейна, ярлык на заграничной тряпке.

Мадам Карабасова не выдержала испытания разлукой и отправилась к учительнице:

– Помогите Христа Ради! Еще один человек пропал! Канул, как сквозь землю провалился!

Учительница оторопела (а звали ее – Вера Филипповна):

– А от меня вы чего хотите? Меня зовут не мисс Марпл, я не занимаюсь расследованиями пропаж... И вообще, я на заслуженном отдыхе... На пенсии... Войдите в мое положение! С утра и до вечера идут люди, кому перевести с суахили на хинди, кому написать запрос в какую-то несуществующую НКВД – на чистом русском...

Но мадам Карабасова не захотела входить в ее положение. Она чувствовала, что если существует на земле последняя инстанция (милосерднейшая и всемогущая), то она может находиться именно в таком месте.

– Помогите найти Шуру! – взмолилась она. – Она такой замечательный человек, интереснейшая личность... И потом – у меня кроме нее – никого, – добавила мадам Карабасова...

– Это исчерпывающий аргумент, – улыбнулась учительница и внезапно согласилась.

– Может быть, пошлем запрос в Подольский архив? – спросила она.

– Да нет, – возразила мадам Карабасова, – внуки увезли ее в страну Испанию... Там такая местность есть – Каталония называется...

– Что же, Шуру помимо ее воли увезли? – спросила учительница.

– Наверное, можно сказать и так, – согласилась с ней мадам Карабасова.

– Тогда мы напишем в Интернет, в самую главную дирекцию, там должны ответить, там всем отвечают, даже когда сами ни фига не знают, – сказала учительница. – Даже если уличишь кого-нибудь из дирекции в неправде, они ни за что не признают своей неправоты, они называют ее «ложью во спасение».

– Вообще-то я не очень люблю этот самый Интернет, – сказала мадам Карабасова. – Мне кажется, что он причастен ко всему этому... этому... этому...

Не подобрав приличного определения тому, к чему причастен Интернет, она произнесла единственное известное ей бранное слово:

– Навухудоносоры!..

Впрочем, она не была уверена, что слово бранное, поэтому произносила его еле слышно. Ей казалось, если произносить его в полную силу, то приверженцы Интернета должны сгореть со стыда. И несколько их не жалко, убивших книги, или только замышляющих это кровавое убийство.

В тот же день они сочинили письмо в Интернет.

– Хорошо бы перевести его на испанский язык, – сказала мадам Карабасова. – Я знаю одно слово – «love»...

– Это английское слово, – улыбнулась Вера Филипповна, – а по-испански я не знаю, хотя, может быть, пригодятся вот эти слова: «Патриа муарте Венсеремос»?

– Правда, красивые слова! – восхитилась мадам Карабасова. – Что они обозначают? Знаете?

– Когда-то я знала перевод, – с грустью произнесла Вера Филипповна, – а теперь забывается не только смысл слов, может, его и не было совсем, сегодня любой второкурсник легко обоснует необходимость отмены речи вообще, ведь в двадцать первом веке живем, эту речь сотрем, на фиг она нужна, такая громоздкая, несовершенная? А придумаем какую-нибудь «современную виртуально оптимизированную, абсолютно адаптированную болтологию»...

– Постарайтесь не дать затянуть себя в болото обсуждений, сбора справок, вторых-десятых – бесконечных – чтений, и не затягивайте время, – письменно напутствовал женщин-интернетчиков Буратино. – Дело ясное, нечего там расусоливать... Хорошо бы ко Дню Конституции успеть.

– А когда у нас Конституция, я что-то запамятовала? – спросила мадам Карабасова. – Пора народишко хоть этим порадовать...

– Пятого декабря Конституцию празднуем, день на численнике красный...

И мадам Карабасова со своей новой приятельницей Верой Филипповной принялись терпеливо ждать ответа из дирекций, а вообще есть такие?

Неделя пролетела, месяц прошел, годик миновал, тощица нависла над человечеством погуще облака из вулкана, название которого можно выговорить только после специального курса Приполярного университета.

Поначалу женщины, понимая, что все люди заняты чем-то (кажется, только один Буратино смело называл себя бездельником: «разве у нас дела, делишки...»), не решались надоедать дирекции, напоминая о своем совершенно ясном и понятном деле, поэтому не чаще двух раз на дню звонили, писали, отправляли какие-то поздравительные открытки, благо праздников у нас больше, чем непраздников. Каждое такое поздравление они дополняли напоминаниями о своем деле или выписывали разноцветными буквами придуманные лозунги: «Да здравствует родня! Долой одиночество!» и «Мир хижинам, война дворцам для доживания стариков!»...

Но постепенно две старушки освоились в темном компьютерном (а был ли он темным? впрочем, он и теперь не стал светлее) мире и умудрялись в отдельные дни довести число своих посланий до многих тысяч и даже миллиона. Канцелярия дирекций отбивалась из последних сил. Пришлось расширить канцелярию, сначала на двадцать, а потом на все сто человек. Но и эта сумасшедшая сотня вскоре перестала справляться с лавиной заявлений, ежедневно поступающих от мадам Карабасовой и Веры Филипповны. Система повисла на волоске.

Но сдаваться никто не хотел, да и не мог. Мы и не знаем, что это такое. Мы уже давно придумали: ни шагу назад, до последней капли крови, и еще «Родина или смерть»... Как тут сманеврируешь? Как хитроумным обводящим ударом покрошишь в капусту вражескую пехоту? Нам хороша штыковая, рукопашная – наше секретное оружие. Мы отважны и простодушны. Дирекция прислала женщинам огромный пакет, в котором была пачка бумаг с перечислением полутора тысяч необходимых справок, аттестатов, которые им нужно представить в дирекцию. Мадам Карабасова и Вера Филипповна подсчитали, что им потребуется тридцать пять лет, чтобы собрать все эти бумаженции. Тогда настойчивые женщины написали жалобу в Международный Комитет Спорных вопросов, и на весь мир разнеслось, как поступают с одинокими женщинами в этой стране. Общественность забурлила. Прошли симпозиумы, съезды и саммиты в защиту прав одиноких женщин. Принята Почетная Гендерная Декларация. Это был большой успех. Но от Шуры не было ни словечка.

Постепенно боль от разлуки улеглась, борьба за Шуру стала обыденной, как будто мы все родились вместе с нею. Поначалу прилепившаяся к пани Карабасовой Вера Филипповна приходила всё реже, трудно было ей добираться на трамваях, троллейбусах через весь город – в ее восемьдесят пять.

Да и мадам Карабасовой не так просто собраться, сто старушечьих, никому не нужных дел сразу вяжут по рукам и ногам. А тут как раз попался ей на глаза Буратино, сорокалетний мальчишка, потрепанный одиночеством, как штормом (и откуда в наших местах шторма? Или штормы?).

Буратино служил тогда в кукольном театре, его постановки были в меру остры, в меру умны, не более, он не уходил от ответов, но чаще напарывался на вопросы, на которые нечего было сказать. Мадам Карабасова считала, как специалист (она некогда была внештатным театральным обозревателем районной газеты «Путь к коммунизму», и ее беспощадного пера боялись даже воротилы художественной самодеятельности), что постановкам Буратино не хватает всего-то современного эпатажа, нужен тот самый плевок обществен-

ному вкусу, который так часто спасал тонущие затеи. Но Буратино ни в какую не соглашался с тем, чтобы Анна Каренина толкнула на рельсы Вронского, а сама уехала с бесконечно терпеливым, милосердным Карениным куда-нибудь на воды, чтобы по вечерам гулять в Мариенбаде, пить пиво «У песечки и котика» и, как страшный сон, не вспоминать Санкт-Петербург, и, может быть, сумма счастья стала бы на Земле чуть больше. А мы и малому рады...

Можно было бы легко победить обывателя, пообещав ему сто голых баб на сцене, не составляло труда завести при театре подпольное казино – и купаться в бабле, но Буратино уперся, как деревянный, он, видите ли, не станет превращать дом искусства в вертеп!

Насчет вертепа, – так еще неизвестно, где большой вертеп, не в театре ли?

Ну и сиди без копыя в кармане, завидуй более разворотливым современным художникам, которые умеют продавать свой талант.

К тому времени, когда мадам Карабасова как-то сама по себе прибилась к гоп-компании Буратино, она была переполнена эмоциями по поводу идей русского космизма, которые в ее сознании были неразрывно связаны с другим чудом из чудес – реинкарнацией. Мадам Карабасова иногда даже в аудиториях, заслуживающих доверия, демонстрировала свой желтый живот, пупок которого, утверждала она, – след прошлой реинкарнации.

Когда она познакомилась с Буратино, у нее многое было в прошлом. Она обитала в разных домах, где оставляли бедолаг на ночлег, но чаще всего в здании, которое построили еще пленные японцы. За кроваво-черный цвет его стен горожане называли его «небелым домом». Говорили, что поначалу хотели разместить тут тюрьму, простую кутузку, но у начальства то ли планы изменились, то ли деньги кончились, или то и другое сразу, но вместо добротной тюрьмы получилась общага с черными дырами бесконечных коридоров. Люди не хотят сидеть в тюрьме, но если доведется выбирать (оборони нас, Господь!), то не каждый зека решится выбрать эту общагу.

Пенсии, которую раз в месяц переводило на денежную карточку нечто, именующее себя госфондом, хватало на кефир, три буханки серого (пеклеванного) хлеба и кусочек говядины – целое продовольственное богатство; в общем, она почти не голодала, за аренду же квартиры в «японском» доме не платила принципиально, и у нее накопилась целая кипа извещений с угрозами выселить ее из черно-красного обиталища. Но мадам Карабасова была уверена, что никто и никогда ее не выселит. Таинственный госфонд в таком случае должен будет сдержать свое собственное обещание, но это не было его сильным местом. За век своего существования фонд охотно давал обещания, однажды даже из «ящика» клялись, что теперь ежемесячно будут старикам давать по 600 долларов. С тех пор ничего об этом деле не слышно, а говорили из «ящика», что государство выделяло большие деньги...

Впрочем, с деньгами часто так бывает...

Как-то утром сидели, ждали. Магазин открывается в 08:30. Вспомнили, что у нее в «небелом доме» время от времени попадает на глаза тяжеленный черный ящик – допотопный телефон с трубкой. Вдруг именно этот прибор может достучаться до функционеров Интернета? А может, и куда подальше?

– Надо попробовать, – сказал Буратино и попросил принести телефон. Он давно знал, что не бывает ничего лишнего, случайного, «не имеющего отношения к делу». Подбирай на улице любой черепок, и он может рассказать тебе больше иного историка. Приглядывайтесь к тому, что вас окружает, это полезно.

Буратино снял тяжеленную трубку и сказал:

– Але, але, а у нас лето...

Кому он это сказал, зачем? Никто не ответил, и Буратино добавил:

– А на самом деле ноябрь.

Никто опять не ответил, но по какому-то неясному звуку, неуловимому знаку, Буратино понял, что его услышали. СВЯЗЬ установлена!!! Только с кем?

Возможно ли такое, чтобы телефон, провалявшийся в кладовках больше века, заржавленный, не подключенный ни к одной сети, подал признаки жизни?

Мы знаем, что такого не бывает. Может, именно поэтому и счастье не идет к нам косяком? Но теперь Буратино время от времени брал трубку, производил первые пришедшие в голову слова, как будто надеялся, что рано или поздно телефон оживет и ответит. Что он может добавить к вечной тоске мира?

В общем, таинственный предмет был наготове, без них, этих волшебных вещичек, хоть что-нибудь понять в жизни невозможно.

Даня, ты, должно быть, давно заметил, что в моих писаниях тесно от небываемых предметов. Чуть не в каждом углу находятся волшебные палочки, очень похожие на палочки дирижерские, шапки-невидимки – точные копии казахских малахаев, таинственные старинные сундуки, драгоценное содержимое которых так никогда и не будет открыто, летающие сабли-саморубы, невидимые пули, снаряды, которые никогда не попадают в цель (знай себе, подсыпай врагу эти туфтовые боеприпасы и ходи посмеивайся). На дворе артналет, а ты ходишь – трубочку спокойно покуриваешь, снарядам не кланяешься... Враги недоумевают, откуда такая стойкость у противника? В результате во вражеских солдатах поселяется неуверенность в своих силах – и вот уже виктория, чужие знамена летят под ноги победителей, гремят оркестры, агитаторы в полувоенной форме ходят по домам и доходчиво разъясняют, почему надо слушаться оккупационных властей, а иначе – расстрел.

А еще в моих книжках полно путешественников во времени, космонавтов, великих художников, знаменитых изобретателей, словом, всех тех, вслед кому летят восхищенные или завистливые шепотки. Поверь, я это делаю едва ли не на подсознательном уровне.

Как-то с Буратино мы говорили об этом. Он не стал пускаться в долгие рассуждения, он сказал:

– Алкоголик всё время в поисках спиртного, рыбак бредит рыбалкой. Сдается мне, что ты ищешь героя... Ты устал быть один...

А Пьеро добавил:

– Вечный интеллигентский скулеж...

– Может быть, в своем детстве они больше принятого измывались над куклами, терзали их тряпичные тела, отрывали им руки и ноги? – спросила Мальвина. – Мизантропы!..

Коломбина тоже не промолчала:

– А жизнь, между прочим, несложная штука... Элементарная!.. Всё же на виду лежит! Вот вам дана вселенная, да не какая-нибудь захудалая, а расширяющаяся... Засучивай рукава и заселяй галактики. И нечего кривить рты интеллигентскими ухмылками...

– Можете себе представить, сколько потребуется пеленок, – сказал Буратино.

В общем, все сошлись на том, что всякие фантастические штучки-заколючки не очень мешают всему повествованию, а откуда они берутся, притворимся мы, никому не известно. Если, не приведи Господь, доведется тонуть у порога своего дома, – не теряйте присутствия духа, оглядитесь вокруг, не ваш ли спасательный жилет плавает в полуметре от вас?

Но часто невозможно даже понять, для чего предназначен волшебный гаджет – то ли на нем драники классные получают, то ли лучше вам не связываться с этой железякой... Вот и теперь Буратино усомнился:

– Такую тяжесть таскаем мы с собой, а пользы от него – чуть! Мадам Карасова, распорядитесь, пожалуйста, выкинуть этот слиток ржавчины...

– А вдруг он понадобится?

– Ну, пусть останется, – согласился Буратино, – раз он есть: «склонение – 15, прицел – 10, азимут – ...» Кому-то нужен этот азимут, а быть может, он кому-нибудь еще и понадобится...

– А мы тут как тут! – радостно перебил Буратино бывший сексот – Кирилл. – Гоните денежки, получайте ваши секреты...

Буратино и его товарищи тщательно осмотрели старинный телефон и даже занесли в записную книжку режиссера надписи, нацарапанные на медном боку.

* * *

Буратино только совсем недавно узнал – ему Тортилла открыла на это глаза, что в мире происходят всякие важные события, например, очередная арктическая экспедиция привезла очередного снежного человека, которого обнаружила в вечной мерзлоте. Наш далекий пращур настолько хорошо сохранился, что решили попытаться разморозить его, пролежавшего в ледяном саркофаге миллион лет. И эксперимент, сообщают газеты, вполне удался: снежного человека не только разморозили, но и проверили его айкью, которое, на зависть многим, оказалось так высоко, что решено было – строго засекретить материалы исследований и хранить их в специальной стальной камере. И никакого телевидения!

Несколько раз к Снежному человеку приезжал сам профессор Фоншульд. На первой же встрече они провели вместе десять часов, и провели бы больше, но Снежному человеку по вечерам медики насыпали незасыпальные таблетки (миллион лет проспал, хватит) пронзали его иглами шприцев, в которых булькали какие-то подозрительные снадобья. Снежный человек (не дурак ведь), таблетки сыпал в больничную тумбочку, так что там образовались целные залежи всякой отравы...

Тортилла не решилась рассказать Буратино, что когда Снежный человек приехал в театр, то первой, как ведущую актрису, пред его доисторические очи поставили Мальвину, и далекий наш предок остолбенел от восхищения.

– Вы мне снились! – сказал Снежный человек.

– Весь миллион лет? – пококетничала актриса.

– Больше...

В общем, он не отходил от нее весь вечер – шампанское с икрой, негромкая музыка, захватывающие истории о том, что было в доисторические времена, анекдоты с мезозойской бородой. Голова кружилась: почему такие вечера не случаются чаще?

Она увлеклась им.

Да и как не увлечься? Стальные жгуты мышц перекачивались под бархатистой (извините, девушки) загорелой кожей, а фигуре его позавидовал бы и Аполлон.

– Нынешний Снежный человек, – рассказывала Тортилла, – оказался мировым парнем, совсем немного перебравшим с книгами. Он за пару недель освоил добрую дюжину земных языков... Сейчас пишет большой роман о рыбаках Каспия...

Правда, была в нем небольшая странность, Впрочем, некоторые не замечали ее вовсе, а некоторые так просто глаза выпучивали. Пришелец из вечности терпеть не мог никакой одежды. Не могли заставить его надеть даже тру-

сы. Пришлось приставить к нему пару крепких ребят, чтобы приглядывали за ним, а также прикрывали его вчерашними газетами.

Никто тогда и предположить не мог, что этот интеллеktуал сыграет такую, можно сказать, роковую роль в судьбах миллионов.

– Вот что творится на белом свете, – подхватил Артемон, – а ты сидишь уже какой год в четырех стенах, никуда не ездешь, ничем не интересуешься... А то взял бы путевку, ну хотя бы в санаторий «Шинник», – говорят, там питание отменное... Картошки хоть вдоволь поешь...

– Я не голоден, – отвечал в сотый раз Буратино, пытаясь объяснить коллегам, а заодно и самому себе, причину своего затворничества. – Ехать куда-то за тысячи километров, чтобы тебя душили холодной манной кашей, а с потолка столовой свисали бы желтые клейкие ленты с прилепившимися на них мухами – нет, увольте меня, мне вполне хватает пельменей, продающихся повсюду, даже в парфюмерных магазинах... И еще скажу: все должны жить в своих временах, и нечего искать себе на башку приключений, решать заморенные задачки, типа: возвращается ли на самом деле Земля или по-прежнему покоится на трех китах, теперь подросших и, конечно, являющихся угрозой человечеству?

Но коллеги знали, что дело не в каше, не в пельменях, и даже не в мартовской вобле с прозрачной янтарной спинкой. А ДЕЛО БЫЛО СОВСЕМ-СОВСЕМ В ДРУГОМ...

В пучину депрессии ввергла Буратино любовь. Любовь безответная.

... В тот год, когда Мальвина впервые оставила его, он долго не мог поверить, что это не дурацкая шутка, розыгрыш, а когда понял, что никакая это не шутка, что Мальвина на самом деле переехала к директору кондитерской фабрики и у нее началась сладкая жизнь, то его накрыл, как осенним туманом, жуткий запой. Он продал даже старые стамески Папы Карло, бумажную курточку за пять солдод; водка заглушала боль, притупляла ее, но жизнь в полубессознательном состоянии скоро стала невыносимой, и он засел за работу.

С тех пор много времени прошло, Мальвина вернулась и опять сбежала, а вскоре ненадолго вернулась, а потом ушла опять – на этот раз к капитану дальнего плавания, хотя почему-то любила режиссеров. Она была тонкой артистической натурой и просто собрать чемодан, побросав на его фибровое дно дюжину трусиков-лифчиков, – и только ее и видели! – она не могла. Она обязательно должна написать пышное прощальное письмо, залитое слезами, или процитировать щемящее сердце четверостишие: «...не печалься и не хмурь бровей, в этой жизни умирать не ново, ну а жить, конечно, не новей»... К слову сказать... А если жизнь длинна, почти бесконечна, а ты так любима всеми – живи и радуйся. А можно сказать иначе: «живи и не парься». Всё фиолетово.

Буратино так никогда и не смог привыкнуть к боли, с годами всё труднее было хоть как-то маячить на поверхности. Почти на поверхности. Страшнее всего была пустота, которая грозила раздавить, и чтобы не впустить ее к себе, он отгородился от нее (так наивно думал он), а заодно и от всего прочего. Дошло до того, что он всерьез стал считать себя единственным обитателем мира, так, по его разумению, рознились все остальные люди от него (деревянный, скрипучий, беспартийный). Поручусь за него тоже, его не гордыня заела, а жуткое одиночество, он думал, что если бросит против пустоты свою собственную, еще большую, пустоту, то они взаимно разорвут друг друга. Но торричеллева пустота мира становилась только прочнее...

Работа – единственное, что могло еще вырвать его с самого дна пьяного безумия. Буратино давно вынашивал замысел постановки «Гамлета» и, если получится, то осуществить постановку всех широко известных трагедий Шекспира. Буратино говорили:

– Старичок, где это видано, чтобы Шекспира играли в кукольном театре, тем более, все его трагедии? Зритель наш сопливый, не поймет этих кипений страстей, а горы трупов в шекспировских финалах ужаснут любого...

– Наших детишек не испугаешь, – спорил Буратино, – это они нас пугают...

И он все-таки вывел под свет софитов своего страдающего принца датского, на премьере яблоку было негде упасть. Но, очевидно, Буратино страдал больше своего героя, поэтому пресса после премьеры была не сказать что прохладной, но осторожной, а потом вышла статья «Картонный меч ватного принца», в которой старый друг Буратино редактор Джем Сладкий (Володька Повидлов, однокурсник, собутыльник, балагур, тоже безнадежно влюбленный в Мальвину) размазал и Буратино, и его спектакль, как младенец размазывает ненавистную манную кашу по стене. Сам, еще до света, позвонил и радостно закричал:

– Старичок, ты уже видел, как я тебя в сегодняшнем номере разделал под орех? Я так и написал: «Страдающие бледной немощью герои спектакля не способны на сколь-нибудь осмысленную борьбу со всемирным злом... Так и кажется, что вата, картон и опилки не в куклах, а в душах артистов...» Старичок, не подумай, ничего личного, просто давно мне на зубок не попадало ничего стоящего, а тут ты подставился! Так что, старичок, держи удар...

После Джема Сладкого не было газетки, которая не прошла бы насчет опилок, картона и ваты.

Удивительно, но Буратино даже не очень расстроился, просто всё реже и реже стал бывать в театре, да и то дальше буфета редко доходил. В результате – «заявление по собственному желанию», персональное дело, крошечная пенсия по состоянию здоровья – повышенная дровянистость холестерина, – и не стало нужды вставать по будильнику, умываться, жевать на ходу гуттаперчевую сосиску и на автобусной остановке полчаса ежиться на ледяном ветру, который там дует круглый год, как в Бермудском треугольнике. И, самое главное – не нужно больше работать над образами наших современников, а эти самые современники до тошноты, должно быть, надоели всем на свете...

Ту, самую первую хандру, он все-таки пережил, даже вернулся в театр, даже поставил сгоряча современную, остросоциальную пьесу из жизни интеллектуалов; они рефлексировали, умничали, предавали правое дело, в конце концов прозревали, но поздно, и с головой уходили в боевую партийную работу; причем любые партии охотно принимали в свои ряды исправившихся интеллектуалов.

* * *

... Вначале была точка. Буратино сразу рассмотрел ее на оконном стекле.

Точка, как все точки на свете, до поры до времени хранила в себе две-три дюжины вселенных, готовая разродиться в дыму и пламени новыми жизнями – на вечную маяту, на бесконечные странствия.

Точка – эфемерная, если вдуматься, штучка. Живет в двух измерениях, опровергая саму же себя: чем жирнее точка, тем яростнее большой взрыв.

Пока Буратино набивал табаком трубку, точка явно переместилась – сантиметра на полтора к югу. «Куда тебе торопиться, тем более если ты точка?» – подумал Буратино и присмотрелся: точка оказалась крошечной божьей коровкой. «Жизнь торжествует повсюду, даже в самом унылом в мире месте – на моем подоконнике, на холодном октябрьском стекле, за которым смутные тени автомобилей и пешеходов». Сколько бессонных ночей провел он под оранжевым абажуром настольной лампы у этого окна, пытаясь отыскать самые лов-

кие слова (он так и говорил – «словчить»), но словам всегда не хватало точности; они не были так совершенны, как точки.

Божья коровка повернула назад и на полном ходу врезалась в палец Буратино. Одно, совсем не сильное, нажатие пальцем, и от насекомого не останется ничего. И вдруг Буратино увидел, как дороги сворачиваются новогодним серпантином, крыши домов съезжают на тротуары, троллейбусные столбы ломаются, как спички, и всё огромное становится крошечным. Всё крошечное превращается в гигантское. Необозримое. И вот уже выше Монблана поднимается скворешня, сколоченная на прошлой неделе сторожем из магазина скобяных товаров, рушатся надменные небоскребы, рассыпаются в прах гранитные памятники героям и писателям, приравненным к героям, генералам, приравненным к писателям – всё, чем гордилось человечество, перевернулось с ног на голову в мгновение ока, и вот уже крошечный Буратино с замиранием сердца (высота головокружительная!) пробирается по оконному стеклу, с ужасом понимая, что его жизнь – на кончиках пальцев хмурого человека, смотрящего в окно. Нет, он не упадет – он просто не заметит букашку-Буратино, как Буратино-гигант не замечал доброй дюжины раздавленных на каждом шагу насекомых.

Даня, а может, есть такая Лига убийств, где с самого детства нам припасены путевки на уничтожение трех с половиной миллионов жучков-паучков-таракашек, а что их жалеть, если их бесчисленно? И потом, их разглядеть трудно; почти невидим? значит, и не живой?

А сколько замучено кузнечиков, стрекоз – хрясть – и нет зелененого, хрусть – и как не было глазастой...

К концу жизни некоторые начинают смотреть под ноги, говорить со сверчками, как с одноклассниками, но лед взаимной вражды не исчезает – за сверчков мстят скорпионы, за кузнечиков стенами поднимается саранча, тарантулы разят без промаха за раздавленных махаонов... Война идет на полное уничтожение....

В любом случае мы проиграем, и победители пленных брать не будут.

Буратино осторожно подсадил божью коровку на палец и открыл форточку. Козывка расправила крылья и с едва слышным жужжанием покинула пределы. Зачтется ли ему эта щедрость душевная, когда кузнечики пойдут в последний и решительный бой?

Буратино помнил за собой еще одно благое деяние, а может, и не одно. Тогда он был студентом Высшей школы искусств, ел не каждый день, и, как все голодные, много рассуждал о русском авангарде и почему-то о зрелых женщинах, охотно протягивающих студентам руку дружбы и даже любви. Одну из таких женщин звали Людмилой, и она влюбилась в Буратино – безоглядно, бесстыдно, безрассудно, – со всей силой увядающего тела, даже выпал у нее из рук, как винтовка у новобранца, толстый роман, который она сочиняла по ночам, и она с недоумением вспоминала свою писанину. На свидания, которые назначались на восемь вечера, она приходила в полдень: она и совсем не уходила бы из крошечной квартирки, которую понадобилось снимать для любовных утех, но у нее были обязательства перед издательствами, редакциями, союзом писателей и еще целой кучей организаций и людей.

Она обрушивала на него лавину ласк. Ее чувственный опыт ошеломил его, он проводил без одежды большую часть дня и, естественно, всю ночь. Было не до учебы, не до работы.

Нет сильнее магнита, чем тепло живого огня. Она совершенно забыла своего мужа, который спрашивал:

– Людмила, а, Людмила, может быть, ты хочешь рассказать мне о чем-то?

Он еще тот был «чудак» на букву, сами знаете, какую...

Она его не слышала, да и что она могла сказать этому растрепанному, потерянному человеку? Почему-то все рогоносцы не прибраны и пристают с одними и теми же вопросами: «кто он?», «у него зарплата выше?», «он в постели хорош, физиология поманила, да?»

Но забытый муж Людмилы никак не хотел забывать о красавице жене, которая связалась с каким-то мальчишкой, зеленым, безвестным, нищим. Он вообще считал, что человек не может называться мужчиной, если не зарабатывает хотя бы по миллиону в неделю. И еще он думал, что если есть деньги, то на них можно купить всё. Он, конечно, ошибался, но не так сильно. Как принято у бедняков. Еще он вспомнил, что бедняку легко можно оторвать голову или отрезать ее ножовкой.

Выбор средств для сохранения семьи был огромен. И однажды почта принесла недлинное письмо. В нем были перечислены основные способы мучительного умерщвления граждан, не знающих своего места. К перечню мучений была приложена записка: «Оставь в покое Людмилу, иначе на себе испробуешь это железо...»

Буратино был тогда легкомыслен и беспечен. Посмеялся над диковинным письмом. Да и забыл про него.

Но обманутый муж помнил. Обманутые всё помнят, такая уж это порода... И одним прекрасным вечером в дверь Буратино постучали – тихонько. И как показалось – деликатно, даже робко. Буратино подумал, что это пришел Пьеро и, не сгибаясь к дверному глазку (на самом деле, какой идиот придумал эти глазки вкручивать так низко, что каждый раз приходится бить земные поклоны всем приходящим), крикнул:

– Открыто, заходите!

Так он сам пригласил бандитов. Они ворвались, облаченные в извечную форму наших гангстеров – коротенькие пальтишки с каракулевыми воротниками – «москвички», хромовые сапоги в гармошку – «лопари», черные женские чулки, натянутые на головы. Они потрясали огромными револьверами, слишком огромными, чтобы быть настоящими. Но Буратино не стал это проверять – кто знает, что у этих балбесов на уме?

Бандитов было четверо, росточком – мал мала меньше, но коренастые, крепкие, рукастые, с виду беспощадные. Они орали хрипастыми, прокуреными голосами, перебивая друг друга:

– Никому не двигаться! Всем на пол! Стреляем без предупреждения!

– Ребята, вы, случаем, не адресом ошиблись? Денег у меня нет, может, на пузырь наскребу, кто в магазин побежит? – переспросил Буратино.

– Заткнись, сученыш! – заорал самый коренастый, должно быть, главарь. – Сейчас не до водки, сейчас другим займемся, не хуже выпивки, – сказал он. – Кишки твои поганые выпустим...

– Ребята, вы случайно не ошиблись номером? – спокойно спросил Буратино. – У нас тринадцатый, не счастливый для вас, номер... – И улыбнулся. Он не любил бояться, да еще таких заполошных налетчиков.

– Ты, чурка долговязая! – продолжал чертыхаться бандит. – Слухай сюды: или ты отстанешь от Людмилы, или мы отстрелим у тебя всё твоё самое дорогое. А станешь упрямиться – и Людмилу прикончим. Пахан хотел уже нынче насладиться мстостью, кошку эту драную приколотить гвоздями к воротам или поставить ее на хор, но решил-таки дать ей и тебе последний шанс... А если что – я в очереди первый... В общем, три дня на размышления...

Налетчики потянулись к выходу, а Буратино погрузился в размышления – голос самого коренастого показался ему странно знакомым. Он перебирал в памяти все противные голоса, которые ему доводилось слышать, и вынужден был признать, что голос бандита превосходит по своей мерзости все прочие. Но кому он принадлежит?

Буратино напряг память. И тут же вспомнил. Словно у него в голове магнитофон включился: «Вызывающе ведете себя, господин артист. Для вас мнение старших товарищей – это пустой звук, верно ведь?.. В вашей творческой борьбе – сделанного на семишник, а сомнения на полтину... И на сотню пустого вольнодумства, словоблудия и кривляний...»

Неужели это сам Запретитель запретителей? Неужели с пластмассовым наганом, с чулком на голове орудует сам Верховный атаман Международного Запретительного Центра циркового искусства и литературы? А впрочем, бандитом он вряд ли принесет больше вреда, чем в своем Запретительном Центре.

– Маска, я тебя узнал! – крикнул Буратино в спину Верховного атамана. – Святозар Иванович!.. Скажите, где ваша основная работа, – на ниве цензуры или с кистенем в руках? Или вам удастся по совместительству? Наверное, устаете?

Святозар резко повернулся, направил револьвер прямо в лоб Буратино, засмеялся, как столетний ворон на черной мертвой ветле: «Гарь, гарь, гарь...», – и как будто на самом деле потянуло гарью откуда-то. Должно быть, с какого-то недалекого пепелища – вон их сколько.

Каких только хобби не бывает у людей! Один был известен коллекцией измен!

Обманутые мужья подозрительны и плаксивы, рассказывают о своих семейных катастрофах соседям, попутчикам на железной дороге, в пивных. Их перестают приглашать в приличные кампании, они легко становятся шпионами, потому что разлюбили людей.

Они стойко переносят пытки и тем самым сильно вредят народу. К старости они обычно спиваются, причем водку мешают с пивом, гурманы из подворотен...

Буратино и во второй раз не внял предупреждению мужа Людмилы. Уж очень у нее была пышная и сладкая грудь. И тогда Людмила пропала, исчезла. Буратино двое суток не отходил от телефона, а потом поехал в полицию. Ему пришлось долго объяснять: кто пропал, почему он ищет пропавшую... И сколько ей лет, и где она проживает, есть ли у нее дети, любовник. Не страдает ли она падучей... Потом приказали всё это в подробностях изложить на бумаге. Буратино взялся было за перо, но скоро бросил эту рукопись.

– Вы что, издеваетесь надо мной? – завопил он на одного из полицейских. – Вам деньги государство платит для чего? Чтобы порядок в державе был или для того, чтобы романы сочинять?.. Человек пропал – надо в набат бить, собак пускать по следу, вызывать стукачей – пусть покопаются в своих несвежих душах. Может, и найдут какой-нибудь крючок-зацепочку?

И тут полицейский открыл рот.

И самые первые звуки его голоса повергли Буратино в ужас. Этот голос мог принадлежать только одному человеку, и он принадлежал ему. Буратино пригляделся: так и есть – форменный китель надет на голое расчесанное тело, на ногах – кеды сорок шестого размера, на кителе блистала огромная медаль за взятие не то Вавилона, не то Казалинска. Невозможно ошибиться – Запретитель запретителей, цензор жизни и самого нашего рассудка, главарь шайки бандитов Святозар Иванович, выходит, предводительствует и в полиции?

– Узнал, вижу, что узнал! – принялся скрипеть атаман. – Понял, буказоид, с кем ты связался? Стноил бы я тебя в подземной камере, где человека черви начинают есть заживо, да Люська за тебя очень просит... Отдай бабу и, клянусь, тебя оставят в покое, еще и бабла насыпят. Много бабла...

Буратино сначала как будто не расслышал предложения бандита, он размышлял: «Выходит, что Людмила не в лапах гангстеров... Но где ее искать? Пойти в Прокуратуру? А вдруг и там засели друзья Святозара? Что же делать?»

– Слушай внимательно и не перебивай, – сказал главный гангстер. – Я мог бы раздавить тебя, как козявку, утопить в солдатском сортире, проехать по тебе асфальтовым катком, но не стану этого делать – не из человеколюбия, потому что ты никакой не человек – кусок деревяшки... И, кроме того, мне сегодня позвонила Людмила, она готова вернуться ко мне... Если тебя, огурец моченый, я оставлю в живых... Впрочем, я еще ничего не решил...

Буратино задумался. Он был тогда мальчишкой, студентом без стипендии, что он мог дать ей?

Конечно, он любил ее, говорил, что до самозабвения, но слова тогда складывались из букв и не стоили ничего.

Двадцать лет спустя ему все-таки померещится, что всё на свете собирается из слов, но он опять не решится проверить это, как тогда, когда бандит наставил на него громадный, похожий на игрушечный, револьвер. Он только горько усмехался и произносил свою приговорку «а мне всё фиолетово...».

Людмила позвонила ему через час.

– Милый, – сказала она. – Не верь Запретителю запретителей. Как только я попаду в руки к банде, тебя тотчас убьют...

– Ты в надежном месте? – спросил он. – Я тревожусь за тебя...

Она засмеялась: «На всю жизнь не спрячешься, а на пару месяцев – легко... Будет нам здесь – и дом, и бомбоубежище... Потом что-нибудь придумаем»...

– У меня в понедельник экзамены начинаются, – вспомнил он. – Не бросать же учебу?

Он почувствовал, как она поникла на другом конце телефонного провода.

– Ты сможешь сегодня приехать? – спросила она чуть слышно. – Я скажу куда...

Буратино записал адрес, номер телефона, поинтересовался, на какую станцию метро ему ориентироваться, где пересаживаться на трамвай, но оба понимали, что прелюбодейский съемный раек погибает. Должно быть, навсегда.

Наверное, он все-таки не любил ее.

Едва она положила трубку, он набрал номер, который дал ему Верховный атаман.

В голове был забит ржавый гвоздь, которым было нацарапано изнутри: «Предатель!» Он говорил себе: «Я спасаю ее!» И добавлял: «Я спасаю нас». Но гвоздь оставался в голове.

– Слушаю, говори! – возник голос Запретителя. – Молодец, что решился позвонить! Может, теперь я тебя не убью... Диктуй адрес, где Люська прячется...

– Я должен иметь гарантии ее безопасности, – сказал Буратино, как в телевизоре.

Бандит только рассмеялся:

– Гарь, гарь, гарь! Давай, пока я не передумал!..

И Буратино продиктовал адрес. И Людмила прожила с атаманом еще десять лет, пока он не застрелился, как утверждали специалисты, по неосторожности – во время чистки пистолета.

За прошедшие годы не было дня, чтобы Буратино не спрашивал себя: спас

или погубил? И ни разу не сумел ответить – ни «да», ни «нет»...

Их с Людмилой дорожки больше не пересекались, с того самого дня, когда она напрасно ждала Буратино, а ввалился Святозар со своей шоблой...

Она вернулась к мужу... Давно это было... Буратино время от времени видел Людмилу в телевизоре, где она с другими депутатами врала про скорое благоденствие, счастье трудящихся, бесплатное удаление аппендиксов, чашку бесплатной похлебки одиноким старикам (мадам Карабасова разведала и с радостью сообщила, что народным артистам, членам союзов писателей и художников будет положено ежедневно по 15 граммов сливочного маргарина дополнительно).

Люди охотно верили небылицам, раскинули бы своими мозгами: ну откуда возьмется такое количество маргарина? Должно быть, Людмиле удались уговоры, потому что ее избрали в какой-то мировой орган по продовольствию, и теперь ее лакированный лимузин в сопровождении мотоциклистов вихрем пронёсился по улицам...

Так спас Буратино или предал?

Бураметки, мудризмы, глубинное, письма

* * *

Так и сносит меня потолковать «за жисть», это тоже признаки старости. Прости, пожалуйста, Даня, я понимаю, что молодые годы не вернутся, их просто нет, но сердце никак не может смириться с этим...

Совсем недавно мы измеряли время десятилетиями. Я даже написал книжечку под названием «Пятый десяток», как будто мешок, битком набитый временем, оставил пьяненький Дед Мороз около нашего дома – растаскивай по своим углам, а у старика красноногого еще много такого добра!

В каком-то рассказе я договорился до того, что, дескать, его, времени, нет совсем – предъявите, если что! И вот что странно: спорить со мной взялись немногие. Среди них, конечно, лауреат всех на свете конкурсов и премий, писатель земли русской Иван Иванович Иванов. Буратино называл блестящего мастера прозы «квинтэссенцией Ивановых», а за глаза просто «уксусом».

Если завтра мир начнет разваливаться, мы бросимся спасать его, твердо зная, что спасти его можно только нашей любовью.

* * *

1987 год. 5 мая. Алма-Ата.

Нас так назойливо учили называть будущее «светлым завтра», что мы сами поверили, теперь ждем... Одна знакомая поэтесса прислала мне стихи, в них была такая строчка: «...и всё же хочется узнать, чем это всё закончится...» Вот так, и не иначе... В идеале, конечно, неплохо бы сначала поприсутствовать при рождении мира, взглянуть хоть одним глазком на мироздание с иголки, где страсти еще не обожгли человечьи души, а потом – к той непредставимой минуте, когда поползет тяжелый занавес, и закроет всё... Всё?

* * *

21 июля 1982 года, Алма-Ата, Дом творчества писателей.

Забрался я на горы – с них как будто лучше видно, и принялся сочинять тебе письма. Настоящие писатели, сидящие здесь по кельям, как заведенные в свободное от коньяка и бильярда время создают большую литературу, даже я научился произносить диковинные словечки «тетралогия», «пенталогия» и

даже «амфибрахий» (писатели, как правило, умнейшие люди, воспринимают действительность тонко и остро, как собаки), их нельзя не уважать, творцов новой реальности; на их фоне я чувствую себя дневным сверчком – петь страшно – раздавят, – а молчать не получается.

В горах темнеет быстро; чем гуще сумерки, тем сумеречнее на душе...

* * *

Алма-Ата, 4 июля 1983 года.

Какое это счастье, что ты у меня есть! Хожу целый день смурной, липкий от пота. На улице такая жара, что каблучки туфель проваливаются в асфальт. И, кажется, невозможно утолить жажду, но достаточно мне услышать твой голос, как сразу всё вокруг переполняется душевным комфортом...

* * *

Кажется, в восьмидесятом, а может быть, в восемьдесят первом, уродился небывалый урожай знаменитого в Семиречье апорта. Огромными яблоками были завалены прилавки магазинов, в садах под тяжестью плодов ломались ветки яблонь. В Доме творчества, где я пытался написать книжку про любовь (так до сих пор я не могу отвыкнуть от этого занятия), воздух был как будто пропитан яблочным ароматом. На подоконнике комнаты, которую я занимал, были насыпаны чьей-то щедрой рукой яблоки, груши – ведра, наверное, два, а то и больше. Я тоже прибавил к этой россыпи на подоконнике свой вклад. О том, чтобы есть их, – не было и речи, так много их было вокруг.

Дом творчества находился в большом саду и, гуляя по утрам и вечерам в этом саду, я поднимал и приносил в комнату по одному яблоку – и получился фруктовый склад. Трудно не соблазниться, когда у вас под ногами рассыпано яблочное богатство. С тех пор мне не доводилось видеть столько апорта и ощущать такой покой...

* * *

Не жалею ни о чем.
Жалею обо всем.

* * *

Над планетой смертельное дыхание вируса. Счет погибших на этой войне идет уже на сотни тысяч... Господь милосердный, помилуй!..

Кто-то с тонким чувством юмора придумал, чтобы мы сошлись на последнем карнавале – в масках – и опять не узнали друг друга...

* * *

Светлая моя! Один близкий мне человек сказал: «Ты что-то перепутал, – кажется, и время, и место; любовь в таком возрасте – потеха для посторонних». Я не нашел, что ответить.

* * *

Толстой – пророк.
Достоевский – страстотерпец.
Толстой знает. Достоевский – ищет.

* * *

Я легко могу поверить, что земля плоская, как узбекская лепешка, что курица – благородная птица, что «фулхауз» выпадает три раза за вечер, но, может быть, меня смущают серьезные гримасы, которые как-то неприметно вытеснили все остальные. Ну наконец-то мы стали принимать себя всерьез. Дело плохо.

* * *

Плачь, человек...

* * *

В середине лета город обстреливали грозы. Черная, с огненными прожилками туча цеплялась за горный склон и начинала пальбу. Не дай Бог в это время оказаться в горах. Тогда ощущаешь себя мишенью, кажется, что молнии направлены именно в вас, и только случайно они не попадают по назначению. Было жутко, но нисколько не страшно... Помнишь?..

Семнадцать томов писем, воспоминаний, публицистики, заметок Буратино (если Буратино угораздит написать столько) предполагается издать отдельно. (Архив – в музее «Старый Уральск».)

* * *

В последнее время стали куда-то пропадать люди. Вот пару недель назад приходил лохматый сосед – просить червонец, целый час разводил антимионии насчет бедности, насчет грядущего всемирного голода; десятка, конечно ему не обломилась, но пятеру он честно отработал – пообещал занести через пару недель, но пошел как-то в аптеку за пирамидоном (очень помогает от головы), и с тех пор его никто не видал. Может, тайно покинул страну и готовится выступать по обманному вражескому радио с разоблачениями наших порядков, особенно повсеместно распространившейся фальсификации водки?

Другой сосед – лысый – шел с супругой – Антонидой Яковлевной – в кинотеатр, чтобы насладиться очередным шедевром мастеров индийского кино. Антониду Яковлевну кто-то окликнул, она повернулась, но никого не увидела.

– Послышалось, наверное, – сказала она, повернувшись опять к мужу, но того не было. Она подумала, что он завернул в табачный киоск за любимым «Беломором», но киоск был закрыт на переучет. Не оказалось его и в пивной, не пришел он и к кинотеатру.

Буратино многих своих соседей про себя называл по признакам оволосения – так уж сложилось. Кудрявый сосед тоже исчез из поля зрения. Плешивый пропал давно.

Конечно, страшно, что люди постепенно исчезают с Земли, но страшнее этого, считал Буратино, было то, что пропавших никто не разыскивал. Не грохотали над лесом вертолеты, из которых самые глазастые шерлокхолмсы вели поиск потерявшихся людей, не крались по следу таинственно сгинувших лучшие следопыты, не трубили тревогу радиостанции и телевизоры, активисты не создавали обществ по спасению заблудившихся где-то сограждан... Жены приходили в полицию с заявлениями, написанными на тетрадных листочках: «...живем душа в душу, правда, на Сретенье не рассчитал свои силы (а кто бы рассчитал, если на нос пришлось как раз по литру?) и погнался за мной с пешней. До членовредительства, конечно, не дошло бы, но когда его, наконец, связали, в поселке не осталось ни одного целого оконного стекла... А так-то он мужик смирный, работающий, но как нажрется – всем поселком приходится вязать его... теперь пропал, а дрова не нарублены, картошка не выкопана, вто-

рую неделю валяется на дворе разобранный будто бы для ремонта колодезный насос, и теперь приходится таскать воду из “журавля”, который на самом краю поселка... Попробуй, потаскай ее, ведь знаешь, сколько воды в доме нужно?..», «...поучить его, конечно, надо, заслужил, только по почкам не бейте, когда его обнаружите... Если он у Прасковьи, я его своими руками задушу, дайте только знать», «...поищите эту суку на Кавказе, его всегда тянуло туда, где, как он говорил, мужчины еще что-то могут, в смысле держать бабье в строгости и послушании...»

Заявлений было много, но у полиции не хватало сыщиков реагировать на поиск мужа у Прасковьи. Вот поэтому, наверное, число пропавших росло в геометрической прогрессии, а найденных не было совсем...

Буратино был потрясен, оказывается, за человечеством присмотра никакого. Прилетай сюда с любой звезды с целью порабощения, так тебе никто здесь не подумает сопротивляться, даже помогут, дорогу покажут...

Буратино поначалу думал, что об этом нужно кричать на всех перекрестках, обратиться к Госбезопасности, вооружать народ, но все вокруг только усмехались, дескать, народишку у нас немеряно, и если мужик задержался на рыбалке или глаза разлепить не может на подушке у Настасьи, то нечего сразу вооружаться, бежать в Безопасность, собирать ополчение.

Даже закадычный друг, художник-авангардист Махорин не обращал никакого внимания на происходящее. А когда Буратино напрямую спросил его об этом, Махорин заорал как безумный:

– Ты только теперь это заметил? Еще в наши молодые годы трудно было найти человека, всё больше попадались козлы, что ты хочешь теперь, в двадцать первом веке? Привыкай, что в целом мире некому отозваться на твой зов... Ты – один, я – один...

Ну да, один... не одинокий, этих – целый земной шар, а именно один. Сильно похожих на Буратино парочка-другая, скорее всего, найдется. Ему они попадались; та же деревянная походка, хрипловатый голос, негнушающаяся спина (уж не знаю, хорошо ли это в нынешние времена?), сигареты «Прима», запасенные еще с советских славных времен, дубовый взгляд, доставшийся от Папы Карло – в общем, кусок лесной плоти, но Буратино долго не выдержал – в компании с самим собой ощущаешь себя чуть-чуть эксгибиционистом.

Для себя он определил двойников так: «условно живущие». Он, подавляя ухмылку, соглашался: может, на самом деле мир обезлюдел? Никого больше не существует... Даже Мальвины... Впрочем, насчет Мальвины он, может быть, ошибается... Если Мальвина бросит своего нынешнего кретина – очередного режиссера, к которому она ушла от Буратино в начале прошлого театрального сезона, она подтвердит свою «неусловность»...

Сначала их было совсем чуть-чуть, этих «условных», а потом он стал замечать «механические» черты даже в облике ребят из театра.

Он давно возвел стену между собой и всеми – и ему самому казалось, что теперь уж до него не достучаться... Не тут-то было!

– Скромный ты наш! – заметил Грустный Гусак. Никто не знал, в том числе и сам Гусак, почему его так зовут: ударение на последнем слог.

Однажды Буратино сказал:

– Почему Гусак – ясно, как море, – сходство с ошипанным гусем полное, а вот почему «грустный»? – загадка, ведь он ходячий анекдот...

Грустный Гусак тогда обиделся и не приходил к Буратино дня три. Потом все-таки появился, но не разговаривал с Буратино еще пару дней; вот какой обидчивый.

Буратино привык к одиночеству, как к мозолям – никакие лейкопластыри

не помогают.

У других музыка горой, пельмени лепят мешками, поздравляют друг друга с какими-то призрачными праздниками, придуманными (лишь бы чарку поднять) именинами. Дети начинают вопить еще до света, драки за стеной начинаются в эту же счастливую рань, на дню два раза полицейский наряд выламывает дверь к буйным гулякам...

А у него в доме только половицы скрипят – симфония залакированной осины...

Изредка утром на кухне кто-то сердитый гремит немытыми тарелками и, если не находит чистую плошку, то сбрасывает на пол что-то из посудной груды и убирается восвояси, бурча что-то про неблагоприятное человечество, стремительно деградирующее, несмотря на усилия потусторонних домашних сил. Буратино к таковым причислял даже мышей, уютно устроившихся в скрипучем и осыпающемся подполье. Не говоря уже о пауках, сверчках; как поют они «а капелла», не хочешь, а заслушаешься... Дом на сверчках.

А редко-редко в подполье проскальзывал холодный и надменный городской уж. Как дрожали тогда мыши, но не предпринимали попыток спастись; уж забирал одну мышиную жизнь и опять пропадал надолго. Все, что должно быть съедено, должно быть съедено.

Время от времени в дом забегали ребята из театра, всегда голодные, полные замыслов, впрочем, без всякой надежды на их исполнение.

– Тебя не колбасит от того, что ты всё время один? – спросила как-то Коломбина. – Бедный, бедный, тебе даже спинку потерять некому... Хочешь – останусь?

Он не продолжил этот разговор, им всё равно не объяснишь, что если ты один, то это приговор, стопудовая кариатида, упавшая на голову с высоты птичьего полета. Один – это когда никого больше нет.

Пьеро, обитавший где-то неподалеку, к старости стал пить больше того, что мог одолеть, и водка потихоньку стала одолевать его; он обрюзг, обзавелся дюжиной недугов, каждого из которых вполне хватило бы, чтобы прикончить его, но, может быть, молитва его хранила – «Отче Наш», которую он жарко читал ежедневно перед сном. Пьеро приходил к Буратино нечасто, в дни, когда получал и тратил пенсию, и Буратино был готов признать его вторым существующим, даже первым, но дело в том, что сам Пьеро причислял Буратино только к условно существующим, и Буратино сомневался: может, на самом деле это так?

Пьеро по-прежнему носил диковинного кроя разноцветные балахоны и был похож на долговязого состарившегося комика, пытающегося развеселить публику собственной тоской. Но он хотя бы не проливал слёзы по прошлому; что было, то прошло, а, может быть, его и не было вовсе? Буратино иногда составлял ему компанию, и они закатывались в такие норы и норушки, обитатели которых не знали, что эра рок-н-ролла закончилась, что пистолет можно купить в пивной, а коммунизм победил окончательно и бесповоротно. В норах, а особенно в норушках, коммунизм был построен давно; всё, что душеньке угодно, здесь можно получить. В разгар голода – апельсины и испанский хамон – и сто сортов колбас на выбор. Здесь в ходу маленькое черное платье, русские соболя – и каждый вечер в оперу.

Клубнику с грядки, ананасы из самолета, ананшу, не зря прозванную «дурью», прямо из Чуйской долины... Всё есть...

А какие попадались женщины!

Нежные, как китайский шелк, железные, как затвор автомата... Все про-

ститутки с университетским образованием, причем филологи в меньшинстве.

Иногда к Буратино приходила исключительно интеллигентная женщина (конечно же, мадам Карабасова...). Она целый век охотится за пустыми бутылками, стеклянными банками из-под обрыдлой консервированной фасоли и не менее обрыдлых компотов, она шлепает мокрой серой тряпкой по пыльным полам – это называется влажной приборкой, а потом включает телевизор, в котором работает один только канал, который показывает про спорт и культуру, и еще про выборы Президента Америки.

Вообще-то мадам Карабасова занята поисками пропавшей в глубинах Каталонии подружки Шур, коварные внуки которой, почитай, обманом увезли ее в Испанию, и от нее уже больше года – ни слуха, ни духа. Попутно мадам Карабасова продвигала (пока среди знакомых и жильцов небелого дома) идеи всемирного родства и вечной жизни. Она считала себя теоретиком и практиком «Общего дела», готова была хоть сейчас браться за устройство практического воскрешения всех ушедших поколений. Она была также сторонницей реинкарнаций, уверяла, что уже прожила одну жизнь (она говорила – «экзист») в оболочке столетнего дуба. Она могла отвлекаться и на другие животрепещущие проблемы. «Разгоним застоявшуюся тоску!» – говорила она.

Она любила и цитатки, и охотно оснащала ими свою речь, прибавляя похвалу авторам. Она говорила: «Молодец этот Бердяев, думает, как я»: «Смысл связан с концом. И если бы не было конца, то есть если бы в нашем мире была дурная бесконечность жизни, то смысла в жизни не было бы. Смысл лежит за пределами этого замкнутого мира, и обретение смысла предполагает конец в этом мире...»

Мадам Карабасова обычно придвигала единственную табуретку почти вплотную к экрану, ручку громкости устанавливала на «максимум» и доставала из обширных карманов старого мужского плаща, подаренного ей Буратино как-то на День Святого Валентина, огниво в потертом замшевом мешочке, кулек табака-самосада и газету – «Приуральскую правду». Она почему-то была уверена, что качество бумаги, на которой печатается газета, – самое лучшее для самокруток.

Она ловко сворачивала курительные снаряды и выпускала к потолку огромные клубы табачного дыма. Эти табачные облака, на вид такие устрашающие, все-таки можно было терпеть – какой-никакой аромат в табаке был. Боялся Буратино другого. Мадам Карабасова обладала щедрой душой: всё увиденное по телевизору она тут же начинала пересказывать Буратино, перекивая при этом дикторов и ведущих.

Буратино пробовал беруши – мадам Карабасова была мощнее. Она редела:

– Буратино, дубовый ты мой, слыхал, что американский доллар подорожал? На пятнадцать копеек... Представляешь, какая лафа тем, у кого этих самых долларов как грязи. Вот у меня в восьмом томе собрания сочинений Виктора Иванова, подаренного – представь себе! – автором, еще с советских времен спрятана десятка американских денег; как ты думаешь, теперь на велосипед хватит?

– На пол-литра точно хватит, – отвечал Буратино, – и скромный закусон.

– Бреешь пожилому человеку! – добавляла она громкости в голосе. – Водку я могу и на наши деревянные взять, а иностранные и предназначены для благородных покупок...

– Конечно, – пытался он ее вразумить, – велосипед какой-нибудь конотопской фабрики – это самая благородная покупка...

– Умеешь ты с утра испортить человеку настроение, – говорила тогда мадам

Карабасова (она обмолвилась как-то, что в родстве с Мнишеками, причем по женской линии), быстро забывала о предмете спора, потому что телевизор не уставал пичкать ее новыми знаниями, и уже через пять минут она ревела о другом: «Буратино, ты слышал, что Европа тонет? Как Атлантида. Это за разврат кара...»

Насытившись телевидением, мадам Карабасова обычно бесшумно исчезала, если ничего не приключалось особенного, например, обнаруживалась недопитая, а то и непечатая бутылка чистого колдовства – портвейна под номером двенадцать. Тогда она бережно заворачивала бутылку в кусок бумаги и вместе с ней утекала во двор, где не спеша выпивала вино, расположившись в детской песочнице.

Потом возвращалась, объясняла: «Там и одной пить было почти нечего...»

На вопрос: «А почему пьешь во дворе?» она растолковывала: «Выходит, что я не “сам на сам” выпиваю, а с народом...».

Обнаружилась бутылка и нынче, тяжеленный фаустпатрон, заряженный утренней микстурой жизни. «Пить с утра – аристократично, целый день тогда посвящается размышлениям. Чем крепче вино, тем глубже размышления... Рассветное вино избавляет от иллюзий. Это самая надежная отрава против иллюзий. Как крысиный яд».

Насладившись портвейном, мадам Карабасова в тот день не исчезла, как обычно, а вернулась в дом, сказала: «Дождь...» И тотчас приступила к объяснению мира. Слышал ли Буратино про Первую неудачную реинкарнацию? А про вторую, названную Катастрофической?

Буратино как будто что-то слышал, или когда-то читал об этом, или Махорин, художник-авангардист, рассказывал, но он тогда не придал значения рассказу живописца, да и вообще всегда скептически относился ко всяким заклинаниям змей с их боцманскими дудками, йогам, высушенным, как тараканы в спичечных коробках, ниндзя, сокрушающими мечами всё на своем пути, даже танки. Тибетские монахи, воскрешающие мертвых, живые мумии, пугающие уж какой год домохозяек остановившимися глазами, прорицатели и врачеватели, появляющиеся в засыпанных пылью далеких степных селах с регулярностью пожаров – к этому многолюдному отряду Буратино относил и фокусников, гастроллирующих по райцентрам бескрайней России с распиливанием своих сожительниц и перемещением их из одной телефонной будки в другую... Чудес на свете было так много, что верить во всё было невозможно. Вот Буратино и не сразу поверил в Первую Неудачную Реинкарнацию. И во вторую, названную Катастрофической...

Мадам Карабасова уверяла, что прежде, примерно миллион лет назад, люди были совсем другими.

– В этом не приходится сомневаться, – сказал с улыбкой Буратино. – Они были другими даже вчера...

– Я имею в виду совсем иное... Мы существовали, развивались по законам, которые люди потом привыкли называть Всемиренным Уложением Реинкарнации. Бессмертная душа после завершения первого экзиста и всех последующих, получала новую оболочку, а часто и среду обитания... Проснулся утром – и к зеркалу, а оттуда таращится лопухий, небритый и никогда в жизни не умывавшийся громила, и понимаешь, что ты сильно постарался, чтобы заработать свой новый облик – неделями не выходил из пивных, двенадцать раз женился и собирався еще – тринадцатый, бросал детей, предавал друзей – и на тебе! – получил еще один шанс стать человеком. Или ярким весенним утром ты, отразившись в стеклянной витрине аптеки, увидишь дуб, молодой, коренастый – стоять тебе теперь сто лет, никуда не спеша, наблюдая, как всё увеличивается спрос на касторку и падает на презервативы.

А иной как будто с рождения получал человеческий облик, но ему всю жизнь приходилось доказывать, что он не верблюд. Многие приходили в мир, чтобы сражаться, они были облачены в генеральские и полковничьи погоны, орденские планки густо покрывали молодецкие груди...

Многие решили податься в собаки, тем более после того, когда было обещано, что каждый новый пес получит утепленную будку.

Но кем бы ты не появлялся на свет – хоть носорогом – жить в этом мире должен по-человечески.

– Нет ли в этом привкуса ереси? – спросил Буратино. – Нужно ли человеку, чтобы его душа попадала то в саблезубого тигра, то в доисторическую гигантскую секвойю, то в собрание сочинений писателя Шпанова?

– Миллион лет назад не было собрания сочинений Шпанова, – заметила мадам Карабасова, – это я для примера сказала... Саблезубых тигров тогда тоже, кажется, не было, так что беспокоиться не о чем...

Мадам Карабасова вздохнула, как бы сожалея, что давным-давно перевелись саблезубые. И продолжила:

– Миллион лет не такой уж большой срок, но человечество, появившееся на самом крайнем кусочке этого миллиона, преуспело в реинкарнации.

Души переселялись во что угодно, а тут злобные академики открыли и не стали скрывать от всех способ управления этим процессом.

Иначе говоря, каждый теперь мог перебраться в ту оболочку, которая ему понравилась.

Что тут началось! Один перевоплотился в крокодила, другой в акулу (на самом деле акулами захотели стать семнадцать миллионов человек), третья вселилась в кошку (реально – полтора миллиарда новых кошек), четвертая воплотила свою давнюю мечту – стала фотомodelью (98 процентов всех женщин)...

Никого невозможно стало найти. Приносят парню повестку из военкомата – отечество защищать, но никто не знает, как он выглядит теперь, сгодится ли в военном деле, или он – размышляющий о смысле жизни фикус?

Человечество стало таким многоликим, что пошли разговоры об утрате им собственного лица – не больше и не меньше. Потом историки – академики и члены-корреспонденты – назовут это Первой Неудачной Реинкарнацией. Но это секрет секретов, тайна тайн...

– Постой-постой, а откуда ты всё это знаешь? – спросил Буратино.

Она опять пропустила вопрос мимо ушей.

Буратино покачал головой: уж больно похож рассказ мадам на обыкновенную, не очень умную кухонную придумку.

– Разнообразие форм жизни было поразительным, – продолжала она. – Но это создало большие трудности. Даже такая мелочь, как учет кадров, становилась неразрешимой проблемой. Приходишь в учреждение, а там полный хаос: зарплату получили две тысячи человек, а у станков и двух десятков не наберешь, да из них – половина аллигаторы... Конечно, буйно расцвел либерализм, что неудивительно при таких сокрушительных свободах... Партий либерального толка, причем, как они утверждали, непримиримых друг к другу, родилось в эту пору сорок «сороков». Все они разработали программы улучшения жизни народа, надо сказать – толковые, научно выверенные документы.

Но жизнь в стране не ладилась: то кризис навалится, то последствия кризиса, то жуткий недород и людоедство, то излишек в миллион пудов, который даже украсть не смогут и он сгниет под октябрьскими дождями... Человечество раскололось, как мозаичный кувшин, на бесчисленные частицы, и его как будто не стало... И тогда решено было провести Вторую Всемирную Реинкарнацию и придать людям схожий друг с другом облик: по две ноги, по две руки, по два уха,

в общем, ты сам знаешь, что еще есть у нас. Причем, академики настаивали на полном обнулении памяти, чтобы никто не помнил, что он был баобабом, или драконом, или гипсовым бюстом товарища Луначарского. Но если, паче чаянья, кто-то кого-то захочет найти – родственников, любимых или должников, то на этот случай каждому был присвоен специальный штриховой код, разработанный учеными на основе отпечатков пяток ног – удалось разработать невероятно сложный для понимания дешифратора алгоритм. Ученые пощелкали на арифмометрах, посоветовались с андронными коллайдерами, и в одно прекрасное утро мы проснулись такими – с двумя губами, опухшими от поцелуев, двумя глазами, полными тоски, двумя ногами, готовыми шагать на край света (и чего нас всё время тянет на этот самый край, а, Даня? Как медом там намазано...).

Буратино размышлял: «Поверить мадам Карабасовой – значит признать ее также реально существующей. Не признавать?.. Но вдруг в ее теории не всё бред?..»

Мадам Карабасова с ненавистью посмотрела на пустую бутылку, но ничего не сказала. Буратино кивнул ей, и она твердо (еще та старушка!) двинулась к тумбочке, где Буратино хранил неприкосновенный запас спиртного.

Но вся штука была в том, что он был прикасаемым, и мадам Карабасова хорошо это знала. Она налила себе полстакана вермута и продолжила рассказ:

– Но при реинкарнации произошел сбой системы. Не помогли «пяточные» коды. В результате все забыли всех. Дядя забыли, как выглядят племянники, и вообще – есть ли у них племянники. Мужья ушли спать к чужим женам, кумовья забыли дорогу к кумам, кузены принялись помогать кузин, свояки при встрече даже не здоровались.

Кинулись люди шарить по генеалогическим древам, а где они, древа? Мы так успешно сражались с прошлым, в итоге нам все-таки удалось победить. Заодно мы прошли по индивидуальности. Куда ни кинь взгляд – только пеньки торчат, на месте лесов – пепелища, на месте рек – зацветшие озера... На месте литературы скетчи и блоги...

И остались люди без родни – сиротинушки, скитающиеся по свету без всякой цели. Многие покончили собой, не вынеся сознания всемирного сиротства. Еще больше лишились рассудка. Тоска по родне стала подтачивать человечество.

Тогда правительство пошло на такую серьезную меру: каждому гражданину специальным указом, имеющим силу закона, были назначены родственники – братья, сестры, даже жены... Но снова не наладилась жизнь на планете, потому что поползли смутные слухи о том, что родня ненастоящая, назначена без тщательного изучения семейных отношений, национальных особенностей. И вот сидишь ты, русский, и слушаешь «семь сорок», а тебе неважно – хочешь затянуть чего-нибудь варяжское. Или смотришь на сына, а он чистая копия главного бухгалтера вашего СМУ. А родная жена умеет приготовить только яичницу и ночевать приходит через день – чужая, чужая...

– Разве с вами не бывает так, что трудно избавиться от ощущения (опять взять, к примеру, жену), будто она только что прилетела со звезд и никак не может освоиться здесь, и тяжело вздыхает даже там, где все остальные хохочут, а по ночам плачет в подушку и произносит всё время имя какого-то Артура, уж не наш ли это водопроводчик, гаденыш? Вы ясно видите, что это совсем не та девушка, которой вы писали ежедневно письма – сорок три письма всего – и каждое из них начинали ««Здравствуй, моя светлая?..» – спросила мадам Карабасова и продолжила: – И не то чтобы она стала темнее с тех пор, наоборот – светлее, так жизнь сложилась. Прямо природная блондинка, а с блондинкой – хочешь, не хочешь, а хоть раз согласишься. Надо согласиться.

Многие чувствовали себя погибающими в ядовитой атмосфере чуждых семей, но сформулировать происходящее до поры до времени не могли. Более того, не верили, что такое произошло и как такое могли допустить ответственные люди.

С тех пор в атмосфере нашего общества разлит яд сомнения: всем так хочется поверить в то, что предки наши были совсем не те, от посконных корней которых ведем мы свои простенькие фамилии, но никак не верится, а растолковать доходчиво некому. Информация эта до сих пор совершенно секретна, или, по-другому, об этом никто ничего знать не хочет!

Но люди внимательные, а они должны быть на планете, оставленной на страже, стали замечать, что время от времени на наших пространствах стали появляться особи, не внесенные в реестр реинкарнаций. То есть, природные, изначальные люди.

Как они не попали в мясорубку переименований? Как сумели избежать переплавок, перековок, переписываний набело? – это было никому не известно, но каждый на Земле возжелал получить статус природного человека, всё равно что дворянский титул. И тут же во множестве появились подпольные (у нас если и получается что хорошее, то обязательно подпольно, кустарно, самопально) лаборатории, где за умеренную плату вам выдавали справку с гербовой печатью. Там было черным по белому обозначено, что предъявитель сего документа официально признается природным человеком, не подвергавшимся реинкарнации и готовым к очередному Экзисту. И скорее всего лаборатории эти были сплошным жульничеством, но так приятно ощущать себя не таким, как все. Одним из немногих. Или просто – одним.

Буратино опять прервал мадам Карабасову:

– Откуда вам всё это известно?

И снова она не удостоила его ответом. Он понял уставшую женщину.

– Налейте себе еще немного вермута, – сказал он, и она тотчас пополнила свой стакан. И принялась расстегивать крючочки и какие-то розовые застёжки, коих на ее одежде было великое множество.

Буратино испугался не на шутку. Он закричал с паническими интонациями в голосе:

– Мадам Карабасова, что вы намерены делать? Может, сначала обсудим, а потом уж удивим мир горячим стриптизом? А, может, вашему шоу и не требуется такое количество зрителей, так мы с Пьеро пойдем, у нас дел – по горло?

Но мадам Карабасову не остановить так просто, она справилась еще с дюжиной пуговиц, и Буратино открылся обширный желтый живот отчаянной женщины. Коломбина бросилась к ней, запахнула ее одежды, но поздно – все успели рассмотреть, что на месте пупка у любительницы вермута был перекрученный, одревеневший корень, кажется, гиацинтовый, с луковицей на конце.

– После седьмой реинкарнации, – возвестила пьяненькая мадам Карабасова. – Теперь у меня документ, подтверждающий мое право носить свою природную фамилию... Я теперь графиня Шереметева, Мария Аркадьевна... Вот мое удостоверение...

И она скромно потупилась.

(Сразу скажем, что это туфта, купленная мадам в подземном переходе, в чем она призналась вскоре Буратино. Там, в подземном переходе, продавались даже «удостоверения царя», и граждане охотно их раскупали.)

Присутствовавшие одревенели, инопланетяне, оказывается, на самом деле живут среди нас, а мы думали, что это брехня журналистская.

– Да никакая я не инопланетянка! – принялась отбиваться мадам, дескать, она не знает по-английски, а английский – главный в межзвездном общении.

Кроме того, она страх как боится мышей, особенно летучих. А еще она не знает и половины названий звезд и планет Млечного пути...

– Так, кто ты... вы? – спросил пораженный Буратино.

– Не знаю, – пригорюнилась мадам Карабасова, – если бы я ведала... Примерно век назад, когда я находилась в теле лебеда, или в виноградной лозе, – уже не помню, – наткнулась я на кое-какие бумажки, в которых были сведения о свершившемся превращении. Некогда кто-то насобирав солидную подборку материалов, проливающих свет на готовящееся преступление всех времен и народов. Ведь по сути дела лишили целый народ самоидентификации, растворили в концентрированной кислоте целесообразности, породили вселенскую тоску; мы стали дерзко смотреть людям в лица, надеясь: не брат ли это, не утраченная ли возлюбленная, не сын ли родной и любимый? Всюду виделось утраченное. Глухой ропот доносился отовсюду, дошло дело и до открытых бунтов, жестоко подавленных – тогда, миллион лет назад, не стеснялись в средствах устрашения и подавления, не то что сейчас.

Сейчас, говорят, тоже не стесняются.

Убедивши всех в том, что реинкарнация – не вымысел, расспросив бывалых людей, мадам Карабасова загорелась: найти родню, хоть седьмую воду на киселе. А заодно исправить историческую несправедливость (тоже мне преступление, – переставить или добавить всего-то пару-другую крошечных буквочек)...

Была она тогда молода, привлекательна, в мире, где всем заправляют мужики или думают, что управляют, ей кругом открывались двери, и она многое узнала, но далеко не всё. На главный, как она считала, вопрос – ведет ли в конечном счете всемирное родство к всеобщему миру – она ответа пока не получила. И пока не сумела найти ни одного подлинного родственника. Настоящего, не продажного свидетеля за пятьдесят рублей. Но была близка к этому.

– Я тоже хочу занять родню! – сказала Коломбина.

– Да любой пук ваты – тебе родня, – неловко пошутил Буратино, и Коломбина надулась, дитя рабочего общежития.

– А тебе родня – березовая роща! – сказала она.

– Друзья, не ссорьтесь! – принялась всех успокаивать мадам Карабасова. Вермут сделал ее мироносицей. – Предлагаю искать родню сообща. Что-то говорит мне, что наши родственники неподалеку друг от друга... Секретный ученый из Дубны по моей просьбе изобрел и сейчас отлаживает детектор родства, прибор пока работает в тестовом режиме, но скоро он сможет помогать всем, кто жаждет родства. Хотя на нашу самоделку пристальное внимание обратили в Министерстве Общественного Поведения. Даже больше, чем пристальное... Не возникли бы у нас проблемы... Министерство интересуется даже устройством приамурских, мясорубок и особенно керосиновых ламп.

* * *

Когда-то, давным-давно, в годы своей молодости, Буратино встретил любовь всей жизни – синеокую, белокурую, легкую, как перо чайки над Уралом, девушку. Ее звали Мальвиной. Она была удивительно талантлива на любовь, и все в нее влюблялись. Буратино – сильнее всех. Он не знал тогда закона: кто сильнее влюбляется – тому и страдать больше. И он получил всё это полной мерой, особенно страданий. Но сейчас он, пожалуй, был благодарен им – и за источник чистых эмоций, и за опыт, позволивший каждую новую любовь принимать всерьез, как жизнь... ну, почти всерьез – с поправкой на силу ветра, вращение Земли...

Со временем же, когда ему в голову завернула случайная, как ему тогда показалось, мысль о том, что можно быть просто одному – и первым, и вторым,

и пятимиллионным, но всегда оставаться одному – и тогда не страшны предательства, измены, ведь если ты один на всем свете, то их как бы тоже не существует.

«Будь здоров, живи с собой в ладу», – так поначалу он пытался формулировать свое открытие, подозревая, что до него оно открылось многим, а потом излагал еще проще: «Никого вокруг нет...»

Правдивый рассказ пани Карабасовой, а был он, безусловно, правдив, и демонстрация одереженевшего пупка почти убедили Буратино искать утраченных родственников. Но нужны ли будут они ему, одному? Или раз и навсегда приписать обнаруженных дядьев, теток и племяншей к условно живущим? И это может стать высшим градусом одиночества. Действительно, как он до сих пор сам не понял, что самые чужие на свете люди – те, которые называют себя самими родными...

Как ни странно, но его броню время от времени прожигали живые искорки, скажем, до слез становилось жалко одряхлевшего Азора, который может позволить себе горячую похлебку только через день, и по вечерам стакан трехпроцентного молока. У него вышло так, что при оформлении пенсии кто-то что-то напутал – и теперь Азор забыл вкус мяса, которое так прежде любил. Он обращался в Администрацию, дескать, помогите старому мастеру искусств, беспартийному, не награжденному, без званий и почетных грамот, но ему ответили, что если без званий, то не положено. Тогда в театре решили сами помочь старику, кто чем. Арлекино притащил старое женское пальто, еще совсем крепкое, только какого-то фиолетового цвета. Коломбина заметила едко:

– Теперь все станут величать тебя девочкой и на Восьмое марта дарить колготки и губную помаду...

Однако Азор выбрал именно это фиолетовое пальто и носил его даже летом, в жару. Он был вообще странный тип, любил пиво с соленым свиным салом, хотя в наших краях пиво само по себе – излишество; мы пьем водку под соленый огурец, а если случается сало, то оно хорошо идет и под горилку, и под бражку; пиво – забава богатых.

* * *

Буратино размышлял: кого вообще можно считать родственниками, хотя бы условно?

У Буратино, как мы выяснили, с самого рождения плохо было с родственниками; конечно, первый кандидат в отцы – папа Карло – не то отец, не то дед, не то плотник-сосед, от нечего делать побаловавшийся стамеской. А может быть, у Буратино есть где-то нежная сестра, или растет бойкий деревянный мальчишка – сынишка сорванец?.. Буратино попытался представить себе этого, должно быть, уже тридцатилетнего мальчугана, недоучившегося в школе (в седьмом классе он засиделся три года и ему вручили справку о том, что ввиду невозможности определения IQ ему рекомендуется заниматься творческим трудом, и его взяли мездрильщиком на кожевенную фабрику, где ему сразу не понравилось и где он быстро прославился как неутомимый кулачный боец, талантливый организатор массовых драк. И немногие вспоминали, что IQ парнишки не выше тридцатки. Кулаки у нас в почете). Буратино содрогнулся: а ведь сынишка может оказаться и куда хуже нарисованного его воображением портрета. А что, если в результате насильственной реинкарнации возможный «мальчуган» превратился в слона, или былинного богатыря, у которого одна палица пять пудов весит?..

Мадам Карабасова, чистосердечно признавшись, что она заплатила за графский титул в подземном переходе пятьдесят рублей, настаивала на глав-

ном: Катастрофическая Вторая Реинкарнация – состоялась. Всемирное Уложение Реинкарнации – реальность. Это не туфта, и все наши родственники могут найтись.

– Верьте мне! – говорила фальшивая графиня. – Клянусь «столовым красным»!

Это была серьезная клятва, и Марии Аркадьевне Шереметевой поверили, может, не все и не во всем...

– Я почему-то уверена, что у нас в роду было немало талантливых артистов, – говорила Коломбина. – Они служили в самых знаменитых театрах...

– Ну да, «кушать подано», – довольно громко сказал Пьеро, но Коломбина не услышала или сделала вид, что не услышала.

– Я просто чувствую это! – продолжила она. – Когда выхожу на сцену, то во мне как будто священный огонь разливается...

Графиня Шереметева между тем стянула с вешалки знаменитое фиолетовое пальто ветхого Азора и вместе с пальто опять утекла из комнаты; там, во дворе, около песочницы, в тени старых акаций, стояла лавочка, на которой любила «придавить» пару часиков самозваная графиня. Крепкий, здоровый сон освежал ее изощренный мозг, и, проснувшись, мадам Карабасова была готова удивлять и удивляться. Подлинное чудо, интеллектуальный перпетуум мобиле.

В то время, когда Буратино был молод, а именно об этих годах ведем мы разговор, люди, как правило, не очень любили родственников. Или любили очень, когда родственники жили в Воркуте или Норильске, и в отпуск приезжали не чаще раза в десятилетие. Но, видно, в то время планета попала в звездный шлейф, о котором никто ничего не знал, но в очередях за дешевой колбасой рассказывали, будто бы это большая удача для любой планеты – попасть в этот шлейф. Сразу тогда сам по себе устанавливается прочный мир, плотной вереницей наступают урожайные годы, дети перестают бегать на танцульки, а теснятся в читальных залах, наступает всеобщее умиротворение, – такая, значит, в этом шлейфе полезная радиация. Буратино ощутил на себе воздействие радиации, душа переполнилась состраданием к пропавшим родственникам, самому себе, и он мысленно произнес клятву: больше никакой хандры, никаких сердечных мук – во всяком случае, до той поры, когда не соберется за столом вся наличная родня. Хватит томиться вдали друг от друга...

И он решил обратиться в Народный Исполнительный Орган, который славился своей необыкновенной исполнительностью. Так уж вышло, что в далекие школьные годы Буратино сидел за одной партой с нынешним Генеральным Модератором Органа товарищем Сербриязовым. Буратино очень гордился этим и всем рассказывал, что частенько товарищ Сербриязов списывал у Буратино домашние задания по математике, в которой он был туп, как бревно. А еще Буратино вместо Модератора ходил в татарскую слободу на драки – по вызову слободских. Отказаться было нельзя – это считалось величайшим позором, а откупиться – пожалуйста! После драки и победители, и побежденные пускали по кругу литровую алюминиевую кружку, и очень кстати был каждый лишний червонец. Сербриязова тогда звали Робертом, а теперь Василием Митридатовичем – русский вождь должен и прозываться по-русски.

Буратино не сомневался, что Василий в общем душевный мужик (глаза у него были на мокром месте, он проливал слезы даже над ночными бабочками, обжегшими крылья в пламени свечи), поможет найти родню, стоит ему захотеть. А почему бы ему не захотеть?

И Буратино, не сказав никому и ничего, задумал отправиться к самому Модератору.

...Проснулась мадам Карабасова, свежая, как чайная роза, сосредоточенная, собранная. Она нередко прихватывала пару часиков освежающего сна.

Повесила на специально вбитый в стену коридора несгибаемый гвоздь фиолетовое пальто; Азор очень не любил, когда трогали его вещи, тем более без спроса.

– Не рычи! – упредила его лжеграфиня Шереметева. – Четырех пуговиц не хватало, я пришила...

Азор осмотрел вещь. Новые пуговицы ему неожиданно понравились, крупные, издалека заметные, надежные. Правда, разноцветные, но в этом легко можно было обнаружить некий шик, негромкий вскрик гламура. Стоило только захотеть. А почему бы старику Азору не захотеть?

И старик захотел. Поправил очки на носу, приосанился, молвил весомо:

– А я думаю так: слава Богу, наступило время исполнения гениальных прозрений великого философа Николая Федорова. Пришла пора для торжества «философии общего дела»... А дело это – ни много ни мало – воскрешение всех предыдущих поколений... Николай Федорович считал смерть злом для человека. Он никогда не сомневался в том, что воскрешение возможно, его больше занимали религиозная, философская составляющие «общего дела»...

– Значит, теперь умирать будет не так страшно? – грустно спросил Грустный Гусак.

Ему не ответили, да и что тут ответишь?

– Пойдите, пойдите, – сказал Буратино, – мы как будто говорили о возвращении родни, а получается, что все дороги ведут к бессмертию... Или в нашей родне и есть наше бессмертие?

В дверь нетерпеливо забарабанили.

– Неужели Мальвина? – встревожился Буратино. – Что случилось?

Мальвина время от времени забегала – пару раз в году, иногда чаще, и каждый раз для того, чтобы рассказать об очередном любовном крахе ее жизни – то она разлюбила мальчика-таксиста, который был так очарователен в своем «уеллоу кэбе», но ее захватила страсть к фокуснику Феликсу Фукидидову, и теперь приходилось ездить в салон красоты к маникюрше на трамвае, то наоборот – она влюбилась в знаменитого путешественника, который не вылезал из телевизора, рассказывая, как хорошо в Антарктиде, и он тоже полюбил ее, и уехал куда-то на Енисей – на три или четыре года. Путешественник соблазнял ее, говорил, что его мечта – всю жизнь провести в палатке, что спальный мешок – слаще перины, что таежный комариный рай знатоки не зря именуют «Эдемом» – и он готов всё это разделить с любимой Мальвиной. Ну, не придурок ли? Уж лучше она вернется к Буратино, правда, милый?

Буратино в таком случае удавалось произнести только что-нибудь малочленораздельное:

– Конечно, само собой, мыслимое ли дело – Антарктида – там белые медведи так и шастают, а ветра там такие, что легко уносят человека в океан, если ты не привязался к специальному тросу.

Мальвина поправляла:

– Белые медведи – на Северном полюсе, а здесь, в Антарктиде, кажется, пингвины обитают. И кашалоты...

И вот в этот раз она влетела, залитая слезами, сотрясаясь от рыданий.

– Представьте себе! – закричала она. – Оказывается, каждому из нас намерено по сто с лишним жизней, которые почему-то именуются экзистами... Но это только начальная фаза жизни, которую мы можем прожить в человеческом облике, если хорошо постараемся, а затем наступает бесконечное существование, которое названо Биг-Лайф, но эту бесконечность мы будем постигать, превратившись в животных или растения...

Косметика, густо размазанная по ее лицу, не давала усомниться в том, что она потрясена до глубины души, иначе бы не допустила, чтобы хоть кто-то узрел

ее в таком виде. Она достала остатки вермута, вылила вино в чайную чашку и жадно припала к ней. Затем продолжила свою горестную повесть:

– Один засекреченный ученый проболтался мне как-то по пьянке, что это – едва ли не самый главный секрет современной науки (а шила в мешке не утаишь). Он из тех немногих мировых секретов, которые не могут быть открыты. Все мечтают открыть такие секреты, но это сделать невозможно, потому что трудно даже представить, какие последствия может иметь такое открытие...

Пьеро перебил ее путанный рассказ:

– Что-то я никогда не слышал о таких секретах... Кишка тонка, вот и не открывают.

– Темный ты, как валенок изнутри, – мгновенно высохли слезы на щеках у Мальвины. Схватиться с кем-нибудь за правое дело было в ее характере.

– Назови навскидку хоть один такой секрет, – Пьеро тоже горазд был поспорить о загадках бытия.

– Конечно! – не растерялась женщина. – Лови!.. Самый, пожалуй, затертый. В чем смысл жизни?.. Только не заводи бодягу надолго...

Она насладились минутной растерянностью, мелькнувшей в глазах уже не молодого человека, и добавила:

– С ответом можешь не торопиться, я не спешу... Если уж мне, как и всем вам, предстоят тысячелетия заточения в чужой шкуре, то можно вообще отложить ответ на века, эпохи, эры...

– Тоже мне загадка, – справился Пьеро с растерянностью. – Смысл в том, чтобы жить, и никакого другого искать не нужно... Нам осталось только сожалеть, что не мы с вами до этого додумались.

– Ну да, – встрял Буратино, – есть, чтобы есть, жить, чтобы жить, любить, чтобы любить, верить, чтобы верить?..

– Да, да, согласна, – напомнила о себе мадам Карабасова, – какая-то желудочная философия, я даже сказала бы – утробная. А высокие помыслы? А пылающие сердца данок (или данков?), освещающие нам трудные пути?

– Никто нам и не думает освещать трудные пути, – сказал раздраженно Буратино. – Легкие пути – тоже...

– Что же теперь делать? – спросила жалобно Мальвина.

– Как будто ты не знаешь, что делать, – не понял ее вопроса Буратино. – Собирай свои вещички и переезжай ко мне... Обживайся... Ты в этот раз надолго?

– Тыфу на тебя! – возмутилась Мальвина. – Я – о космизме, можно сказать, о философии общего дела, добавлю от себя – благородного дела, а ты только о своей жилплощади. Всё шкурничаешь?

– Без философии теперь и соленый огурец в глотку не лезет, – огрызнулся Буратино.

Нужно сказать, что Буратино в детстве был довольно скверным мальчишкой. Даже ногти его, обкусанные, с каемками грязи, были в ту пору источником неприятностей. Сам директор школы Николай Иванович делал ему замечания: «Как тебе не стыдно, ты уже большой мальчик, а за собой не следишь... Вот и шнурки на твоих ботинках все в узлах... Эх, безотцовщина! А вчера, доложили мне, ты избил Иванова...» Буратино молчал, насупившись. Дрался он часто, ничего не скажешь, но старался соблюдать кое-какой уличный кодекс – не бил лежащих, не ходил вдесятером метелить одного, не оттягивала ему карман боевая свинчатка.

Драка с Ивановым была честной – «один на один до первой слезы»... Тем более что Иванов учился в девятом классе, а Буратино – в восьмом. Иванов, правда, предлагал биться «до первой крови» – здесь побеждает не тот, кто сильнее, а кто терпеливее – знай, уворачивайся от кулаков соперника, а там, глядишь, и

удастся расквасить ему нос. Но Буратино настоял – драться так драться – а не тянуть волынку. Они сошлись с ним в укромном месте Столыпина бульвара, сюда прибежали поглазеть даже мальчишки из соседнего восьмого «бэ» (девчонки – тоже). В общем, драка «один на один» была событием не редким, но в этот раз предстояла схватка мастеров кулачного боя. Оба они считались в школе записными забияками и драчунами. Не эти ли смелость, твердодушие помогли в будущем стать Иванову крупнейшим писателем, выразителем дум и чаяний не одного поколения людей? Ну, а Буратино стал тем, кем он стал...

В большую перемену бойцы сошлись. Буратино был почти на голову выше будущего знаменитого писателя, поэтому сразу сумел подбить тому один глаз, который медленно, но верно стал затекать густым синяком. Иванов не остался в долгу, пару раз чувствительно заехал будущему театральному деятелю в ухо.

Дуэль была в разгаре, когда на бульвар пожаловал физрук Эдик. Он решительно прекратил драку, переписал фамилии болельщиков, кого он успел догнать, пообещал всем кары от гороно, снижение до тройки оценки по физкультуре. Когда драчуны и их друзья скрылись из виду, физрук вздохнул и опустил на садовую скамью, закурил: когда-то на этом бульваре он дрался с грозой пятой школы – Батоном. Давно это было, очень давно... А где тогда была Мальвина?

Эти строчки – о ней, а мы как будто сознательно обходим всё, что касается ее. Но так придумал автор, дескать, надо показать круг интересов женщины, ее друзей, а потом уж рассказывать о ее похождениях и приключениях, если они случались.

* * *

Буратино очень не любил ходить строем. В колоннах он тоже не любил, а также не нравилось ему находиться в шеренгах, печатать строевым шагом. Рядом с бравыми ребятами, вращающимися круглосуточно на перекладах, рядом с дивчинами, легко попадающими в глаз вражескому разведчику с расстояния триста метров, он чувствовал свою неполноценность, никчемность, неуместность. Он старался любой ценой покинуть строй, вызывался на любую работу.

Когда служил в армии, его во время строевых занятий на плацу отправляли в красный уголок (всё равно от него пользы ноль) – выпускать «Боевой листок» – публицистический выстрел первого дивизиона, в котором отмечались успехи артиллеристов в боевой и политической подготовке. Сидя под алыми шелками уголка, портретами членов Политбюро, Буратино старался изо всех сил, как вещей Боян, подправляя историю во славу дивизиона. Не забывал он упоминать отцов-командиров, мудрых творцов всех побед дивизиона. Получалось глуповато, но командирам нравилось, когда их сравнивали с полководцами античного мира. А Буратино набивал руку, он поставил себе задачу ежедневно писать не менее пятнадцати страниц или по одной главе романа. Он произвел необходимые расчеты, и вышло, что если он проживет восемьдесят лет, то создаст восемьдесят пять объемных романов.

Он представил себе холм исписанной бумаги, мышей, которые обязательно заведутся в холме, и сократил число романов до пятидесяти, потом до тридцати. Но и цифра «30» его смущала, не чрезмерная ли она? И он не давал пока себе стартовой отмашки, начал было первый роман, но вынужден был на третьей странице прервать работу – не было никакой ясности: может, и десяти романов многовато, вот, скажем, Ершов – известен по одной своей сказке; так чего надрываться над трилогиями, если можно написать одного Конька-горбунка?

Он томился вынужденным бездельем. Впрочем, он и лентяем был порядочным.

В этот раз Мальвина как будто прижилась у Буратино, начала активные поиски всего, что так или иначе было связано с тайными реинкарнациями. Вместе с ней в пару встала мадам Карабасова; теперь, представляясь кому-то, она называлась «Главой международной комиссии по дислокации душ» или «заместителем Председателя Партии».

В тот памятный день, когда Мальвина вернулась к Буратино в очередной раз, было много всего наговорено, еще больше вышито, и под «вивать» решено искать родню, а ее должно быть немало. «Каждый ощущает себя братом короля, – грубо сказал Буратино, – короля палатки по приему стеклотары!»...

– Пойдите, пойдите, а что вы имеете против сбора и транспортировки стеклотары? – спросила угрожающе Глава международной комиссии.

– Нет, нет! – испугался Буратино. – Ведите на здоровье свои раскопки, ищите и обретайте искомое. Мы отдаем вам должное за героические усилия по сохранению и приумножению ценного для нашего общества продукта...

И добавил не очень понятное в этой компании:

– Всё равно никого нет...

Все осуждающе посмотрели на Мальвину. Но, тем не менее, именно ее (пробивная девка, все ходы и выходы найдет) тайным голосованием (при одном воздержавшемся) назначили координатором кампании, которая должна разобраться с воскрешениями и правилами реинкарнаций, не идут ли они вразрез с существующим законодательством и, конечно же, не нарушают ли природного права человека на всепланетарное родство?

Воздержавшимся оказался Буратино, и он не скрывал этого.

– Я не уверен, что человек должен жить вечно, – повторил он заезженное сомнение философов, открывших вдруг, что жизнь еще короче, чем представлялось после защиты кандидатской диссертации, и нужно поторопиться с выбором темы докторской. – Не знаю также, – продолжил он, – сделает ли нас счастливыми туча обретенных родственников. Я как представляю всех этих золовок, деверей, внучатых племянников, то меня сразу бросает в дрожь!..

Буратино непонятно для него самого горячился и вдруг ясно понял, что ему первому хочется занять этих самых внучатых племянников, а также и всю обойму родни, и слушать нескончаемые истории о начальниках-дураках, миллиардерах, засевших в белоснежных яхтах, о глобальном потеплении, которое утопит эти яхты; Буратино охотно играл бы по вечерам с родственниками в подкидного дурака, помогал бы детишкам сколачивать скворечники, учил бы их драться. Но где они, его скрипучие родственники?

Он ничего не сказал об этих своих настроениях, и друзья с головой погрузились в поиски родни. Погрузилась с ними и мадам Карабасова. Только пузыри пошли, как от водолазов, погружающихся на дно.

Да, Председателем партии, которая, по сути дела, родилась в квартирке известного режиссера, был, конечно же, избран Буратино. Против голосовал Джем Сладкий и – подумать только – мадам Карабасова. Она объяснила:

– Без оппозиции за десяток лет любая демократия выветривается, как запахи портянок в казарме по утру...

Она подбоченилась и добавила:

– Оппозиция должна быть умной, но сговорчивой... Главное – не брать больше, чем сможешь унести. Поэтому для оппозиции очень хороши двоюродные сестры, кузены, шурины... Считается, что они не предадут.

* * *

Буратино не любил начальников. Чем меньше начальник, тем он бесполезнее, тем злее. По утрам он встает с одной мыслью: как бы нагадить людям – всем вместе и каждому по отдельности. С утра у начальника болит голова, но это не похмелье. Ему спозаранку требуется наорать хотя бы на офисного гвардейца, не успевшего увернуться от выговора, вклеить «неполное служебное соответствие», а лучше всего лишить кого-нибудь премии, – вот тогда внутри черепной коробки перестают бить своими молотками крошечные чертенята.

Но Буратино также знал, что все дороги идут через «приемные».

И вот шел он как-то по улице имени Геннадия Мухина, смотрит – стоят на рельсах чугунные художественные воротца. Не воротца, а воротница, на паровом ходу, полтыщи тонн весом – нажимаешь на золотую кнопочку, и выезжает Красный Паровоз, свистящий, как чайник. Паровоз – это святой символ Революции. Паровозная бригада – рота инвалидов во всем белом и их командир поручик Засвечу – подцепляют локомотив, отцепляют локомотив, беспрестанно протирают специальной ветошью медные и латунные части Красного Паровоза, и такая высокая торжественность разливается вокруг, что сразу хочется петь Марсельезу.

В центре «самобеглых» ворот сияет пыльным золотом табличка, на которой начертано «В. Сербриязов». Скромно. Достоинно. Благородно. Вот для кого пытит раскрашенный паровоз.

Почему бы не зайти к старому приятелю? Буратино шагнул в сторону паровоза и тут же услышал, как дружно инвалиды передернули сотню затворов винтовок Мосина. Двухсотлетняя старушка была еще крепка. Годилась и для длительного боя и для мгновенных расстрелов.

– Молодцы! – гаркнул им Буратино. – Надежа народная! Вечная пехота!.. Монстры минных полей! Мой школьный товарищ тут у вас самый главный. Он по этому адресу заседает, просил заглянуть. Не подскажите, как в его кабинет пройти?

– Это смотря какой номер кабинета... а то попадешь не к школьному товарищу, а в подвал, где холодно, как в Оймяконе. Так в какой тебя номер проводить?

Буратино наморщил лоб. Да чего там размышлять, никакого другого номера, кроме первого, быть не может у такого начальника.

– Первый! – сказал Буратино. – Веди к товарищу Сербриязову...

– Ишь ты, какой шустрый, дядя! – сказал поручик (его армейское прозвище давно трансформировалось в фамилию. Он любил пообещать подчиненному: «Вот засвечу тебе по уху и глаз на жопу натяну!» И слово свое старался держать). – А пропуск у тебя имеется? – грозно спросил поручик. – Али какой другой документ, с печатью круглой?

Надо прямо сказать, что с документами, как и с родственниками, у Буратино было туго. Его просроченный паспорт завалился в каком-то консульстве, забыл в каком. Попадалось на глаза лет десять назад удостоверение юного химика, но вряд ли эта ксива затаилась за подкладкой пиджачка, который надет сейчас на режиссере кукольного театра. Буратино все-таки похлопал ладонями по карманам, и не напрасно: через тонкую ткань подкладки он нащупал нечто. Нечто оказалось «Удостоверением царя-императора». «Действительно до 18.06.2028 года». «Боже, Царя храни...»

«Ай да мадам Карабасова!» – сразу понял Буратино, кто придумал эту хохму с удостоверением. И он вспомнил, как уговаривала его фальшивая графиня Шереметева купить в подземном переходе удостоверение «Главкомандующего ракетными войсками» или хотя бы «Командира казачьей сотни».

– В наше тревожное время, – уговаривала лжеграфиня, – я вообще бы запретила выходить на улицу без многочисленной охраны...

Буратино тогда только посмеялся и забыл. А любительница вермута запомнила и купила при случае удостоверение самодержца, положила в карман единственного пиджака, который он очень берег:

– Вот позовут меня в Кремль – орден вручать, а орден – тяжеленный, в нем чистого золота с полфунта да с горсть сапфиров-рубинов; разве на майке или сатиновой рубашке такой груз удержится? Пиджак буду беречь!

Поручик Засвечу буквально окаменел, едва увидел в руках Буратино удостоверение с двуглавым орлом на обложке. Он щелкнул каблуками и взял под козырек. На лице торжественно высветилось нечто похожее на «Довелось лицезреть!». Вообще он читать только учился, но слово «Царь!» было ему уже знакомо.

– Почту за честь лично проводить вас к товарищу Сербриязову, – сказал поручик, хотел добавить «ваше величество», но не добавил.

Приемная старого товарища показалась Буратино частью бесконечной вселенной. Так она была огромна, можно только предполагать, какие великие идеи становятся здесь реальностью...

* * *

Буратино мог бы чаще беседовать с Сербриязовым, если бы захотел, ведь тридцать лет назад он сидел с ним за одной партой, но на деле вышло по-другому – они за эти годы не виделись ни разу, так бывает...

Сегодня одноклассник Буратино – Модератор Народного Исполнительного Органа (как-то похоже назывался этот орган, Буратино, как ни старался, запомнить не мог; а кто такой модератор? – это тот, которому не надо денег, в смысле живет на всем готовеньком). Бабла, конечно, у них хоть печку топи, но они на чисто лишены радости, которая прилетает иногда человеку в виде пятеры, а то и червонца.

Буратино не рассчитывал особенно на помощь высокопоставленного чиновника, ведь все мы с рождения, даже раньше, знаем, что чиновник – природный враг всего прогрессивного человечества. Это горькое знание мы, должно быть, впитываем с молоком матери, и это противоядие, конечно, не спасает, но хотя бы как-то бодрит, освежает просителей милостей в их извечной борьбе за лучшую жизнь.

Буратино не любил просить, но понимал: пока у трона теснятся челобитчики, державе этой стоять. Чиновники в присутствии, задыхаясь в бумажной пыли, держат страну надежнее войска, вооруженного самыми грозными, огнедышащими пищалями. Не брезгуя в пыточной самим засучить рукава, освоив науку пить без закуски и не пьянеть, служивый люд – это скучные, лютые бережители державы. И главное здесь – «бережители». И почему же нельзя рассчитывать, хоть в какой-то мере, на их подмогу?

Он размышлял: «Мы сами вложили в их когтистые лапы всю власть, нам надоели истерики на вече, мы научились на полуслове обрывать народного витию – и чего он вопит, уж не звон ли тридцати сребренников старается заглушить? – взашей его с майдану, а то и на пики – прав тот, кто сильнее. Ну и, конечно, чуть что – и – «сарынь на кичку!». Пусть князь всё решает, если дружина прикормлена (...под шеломами взлелеяны). Лепо будет и кметю, и холопу. Суд у государя простой, но скорый:

– Виноват?

– Виноват, батюшка, бес попутал!

А кат уже тут как тут, и лезвие его топора, раскаленного утренней зарей, сверкает, как полоска зеркала: где и прихорашиваться, как не на плахе?

– А ты почто воровал, смерд? Малы детушки хлеба просят?

– Не вели казнить...

Много работы у топора! Отточенная, звенящая сталь одинаково годится и оратаю, и вою... На ножах державы стоят, не водой по утрам умываются – слезами, а чтобы кровь не лилась вместо слез, чтобы в хаосе и безверии не пропал народишко, – на то и государь, помазанник божий, руку свою над городами простер».

– Так ты за самодержавие? – спрашивали иногда у него.

Он неизменно отвечал:

– Я – за державие.

И не объяснял, что это такое. Да никто и не спрашивал...

А Василий Сербриязов, вопреки ожиданиям (вот ведь как бывает), оказался душевнейшим человеком, просто человечием каким-то. Готов ближнему своему отдать последнюю рубашку. И отдал бы, если бы Буратино спросил.

Едва Буратино в приемной Модератора назвал себя длинноному небесному созданию и она передала его имя в радиодупло, как распахнулась огромная дверь, похоже, выпиленная из цельного куска кремлевской стены, и в приемную ворвался широко улыбающийся человек. Он немедленно заключил в свои объятия мужчину, стоявшего неподалеку с лестницей-стремянкой в руках.

– Василий Митридатович! – закричало небесное создание. – Это электрик пришел лампочки поменять...

Сербриязов отшатнулся от электрика, хохотнул над своей безобидной ошибкой – чего только не бывает на госслужбе, где аккумулируются самые яростные вызовы времени, где легко могут пересечься пути народного вождя и простого электрика. Конечно же, потом тщательно будет проверено – по делу ли околачивался в правительственном здании последний, могут и премии лишить, но надолго останется в душе рабочего человека ощущение сопричастности с делами страны.

Сербриязов пригласил Буратино в свой кабинет за кремлевской стеной. Буратино не без опаски шагнул в проем гигантской, а она была гигантской, двери, и тотчас пропал, растворился в безразмерном кабинете. Он был так велик, что на его пространствах легко могла разместиться Великая армия. Здесь было много кабинетной утвари, назначение которой нетрудно было понять – компьютеры, дыроколы, бутылки с чернилами, жесткие стулья, чтобы просители не засиживались, а также таинственные предметы – какие-то многоэтажные шкафы, набитые тысячами папок, аппараты, похожие на рентгеновские, множество диаграмм, развешенных на стенах, бесчисленное количество телефонов, которые угрюмо молчали, потому что их номера были засекречены на государственном уровне. В разных местах помещения громоздились огромные кучи новеньких, битком набитых чемоданов. Василий Митридатович спокойно объяснил:

– Это на случай цветных революций припасено самое необходимое – тушенка, макароны, моршанская махра, валюта многих стран мира...

Даже российские рубли, которые нравились Буратино, может потому, что их называли «деревянными»?

Сербриязов продолжил:

– Сейчас так называемые «цветные революции» признаны мощнейшим оружием, наравне с атомными подводными лодками, и они есть в арсеналах всех сколько-нибудь уважающих себя держав. Эти державы предлагают принять меморандум, ограничивающий применение этого оружия, но разведки докладывают: это пустые слова, уловки политиков, зорко следящих за соседями – чуть те ослабят удавки, сдерживающие карбонариев, чуть замешкаются, как тут же трудящиеся лопаты и вилы наперевес, и бегом на штурм Зимнего...

– Мы будем строго карать тех, кто... кто... кто... В общем, врагов мира и спокойствия!

В самом воздухе кабинета Сербриязова, казалось, была разлита вся наличная вселенская тоска, замешанная на самых едких канцелярских чернилах.

«Весело, как в пыточной камере», – подумал Буратино.

Василий Митридатович усадил старого школьного товарища в глубокое кожаное кресло размером с легковой автомобиль, сам погрузился в такое же, сказал:

– Слушаю тебя, дружище. Какая проблема привела тебя ко мне, скромному администратору?

И глава правительства скромно потупился, дескать, попробуем сделать всё, что в наших слабых возможностях. А Буратино подумал вдруг, что зря он не взял с собой мадам Карабасову, которой так хотелось посмотреть на «белый дом» изнутри.

* * *

Мадам Карабасова, она же «ее светлость графиня Мария Аркадьевна Шереметева», никогда не бывала в таком важном присутствии – не доводилось, что тут поделаешь?

– Мне достаточно одного взгляда, чтобы понять, кто передо мной, – говорила графиня. – Радеющий за народ витязь или пригревшийся возле продуктовых лабазов детинушка, сладкоядец, крепкопивец всеподсебягребец. – Я человека как рентгеном просвечиваю, – уверяла мадам Карабасова.

– Вы опасная женщина, – говорил Буратино, – но, пардон, и очень несчастная... всегда видеть человеческую начинку – этого и врагу не пожелаешь...

– Да, я глубоко несчастна, – соглашалась лжеграфиня. – Я так одинока... Я так одинока, так никому не нужна, что в моем доме, то есть в месте, где я живу, меня даже зеркало не отражает, не считает нужным. Оно предлагает относиться ко мне как к погрешности...

Буратино знал, что графиня обитает в страшноватом «небелом доме», где ее преследуют за неуплату за проживание, и она часто ночует где-то в дворницкой на ящиках из-под помидоров, и за этот уголок дворник требует с нее по пятницам пол-литра белого крепкого. Да еще норовит пощупать аристократку.

Никто не бросался утешать мадам Карабасову, никто не стал вытирать ее слезы; нечего разводить хляби, а когда Мальвина пожаловалась на то, что женщину подталкивает к одиночеству мужчина, все засмеялись: всем бы так мучиться от одиночества, как Мальвина.

– У меня есть знакомый кочегар, – сказал Буратино, – у него только одни поношенные брюки, одни башмаки, и он очень дорожит этими ценными вещами, старается без крайней нужды не надевать их; зимой, когда в кочегарке пылают угольная пасть топки, кочегар, как боксер на ринге, обходится одними трусами, уворачиваясь от норовящих ужалить огненных искр, ну а летом, когда вокруг разлито благодатное живое тепло, считает экономный кочегар, просто глупо изнашивать последние штаны. Так что жизнь его обнажена до предела, он тридцать лет не ездил в трамвае; согласитесь, что и вы не отправились бы на трамвайную остановку в одних семейных трусах.

Буратино еще раз пожалел, что не позвал с собой мадам Карабасову, отправился к Сербриязову один, без подкрепления, хорошо еще, что догадался взять пару томиков гениальных философов – Циолковского, Чижевского... Хотя Буратино, честно сказать, не жаловал философов, но понимал, что и умники нужны, даже и от них бывает польза. Хотя и небольшая.

– Так с чем, старый товарищ, пожаловал? – повторил Сербриязов свой вопрос. – В чем нужда?

– Василий Митридатович, – приступил к рассказу Буратино, – если двумя словами обозначить то, с чем мы пришли сюда, решились побеспокоить таких занятых государственных людей, это бессмертие – личное, человеческое. И, конечно, бессмертие всего человечества! Дошло до нас, что ученые уже испытывают, и вполне успешно, разные способы достижения вечной жизни... Пока такое долголетие достигается через давно известную методику реинкарнации, когда душа человеческая получает новую оболочку взамен изношенной, старой...

«Ничего от них не скроешь!» – раздраженно подумал Сербриязов. И сам себя поругал за то, что позволил себе это унижающее его раздражение, пусть и никому не заметное.

– Да, да, до нас тоже доходят эти слухи, чрезвычайно преувеличенные, недостоверные, – сказал Народный Модератор и, конечно же, промолчал о том, что только сегодня утром ученые во главе с профессором Фоншульцем прислали ему совершенно секретный отчет о том, как продвигается строительство подземного опытного реинкарнатора.

– Говорят также, что тайные переселения душ проводятся давно, в результате чего многие люди потеряли родственников. Существует даже опасность, – продолжил Буратино, – что может навовсе быть утрачено всемирное родство...

– Ты, дружище, знаешь много больше моего, – справился с минутным раздражением чиновник. – Различные футуристические исследования ведутся всегда, они не прекращаются никогда – ни во времена катастроф, ни в пору относительного счастья. Ученые – гениальные одиночки и целые научные институты – исследуют всё; иногда натываются на такое, что сами норовят открытое как можно скорее закопать поглубже. Вот, намерен, один изобрел атомный револьвер; убойная сила у него, как у доброй пушки, но весит почти три тонны. Кому такой пистолет сгодится? Боюсь, что нечто похожее происходит с этим вашим долголетием...

Сербриязов улыбнулся, как бы приглашая посмеяться вместе над этими чудаками-учеными.

Буратино понял, что ступил, как в коровью лепешку, в зону государственных секретов. И будет большой удачей, если ему удастся выбраться отсюда живым. Буратино нахмурился, молвил сухо:

– Это не наше долголетие, общее. Пусть оно детям достанется, да родители проживут подольше...

– Не знаю даже, что сказать тебе, дружище, – завел привычную волынку присутственных мест Народный Модератор.

Нет, все-таки в чиновнике чиновничье всегда победит человеческое.

Сербриязов и сам почувствовал, что роль своего парня не очень ему удастся, да и до выборов еще далеко.

Он уронил в радиодупло одно слово – не то «Вава», не то «Гага», и в кабинете очутилось небесное создание с бутылкой коньяку и хрустальными рюмками на серебряном подносыке.

– Выпьем за старую дружбу, – предложил он, – а Вава нас поддержит... Поддержишь, Гага (все-таки Гага)?

– Конечно, как скажете, Василий Митридатович! – промурлыкало небесное создание.

– Конечно, вмажем! – Буратино от коньяка отказываться не любил. Но о деле не забывал.

– «Вмажем!» Когда я слышу это слово, – сказал Модератор, – то перед глазами встает наш двор, наш дом, какими они были в пятидесятых годах... Эх, какая была жизнь!.. Досыта не всегда ели, лишней рубахи не было, а всё остальное было – дружба, честность, – на ночь двери на замки не замыкали...

– Так красть нечего было, – сказал Буратино, – да и телевизор с толку не сбивал...

– Развлечений почти не было...

– Не было развлечений? Да вы, Василий Митридатович, просто забыли!.. Свадьбы гуляли неделями – всей улицей, всей деревней, а как работали! Артелю за неделю дом ставили, и жили в нем и век, и долее... И были дома полны ребятишек (по-нашенски, по-казахьи – ребятешек), за столом тесно было от родни! Что такое человек без родни?

Буратино произнес эти слова и сам себе удивился: откуда такой пламенный спич в защиту родни? Остается только хлебнуть родственной бодяги – бесконечной ругани, выяснений, кто должен сегодня купить в аптеке пирамидон и чья очередь полы в кладовке подметать... А еще в запасе дискуссия о народном образовании (эти сучки-учительницы так и смотрят вам в карман), обмен мнениями о врачах-коновалах, которым ничего не стоит залечить вас таблетками и заколоть шприцами... Не миновать вам и постижения семейных тайн (Люська пять абортот делала, Петька Нинку в теплице тискает, а Петька этот вдвое ее старше), и еще много интересного...

Так почему брошенные дети, как безумные, ищут своих матерей, почему родители сходят с ума по пропавшим детям, почему? Разве не все родственные чувства погубили вирус бездомия и бацилла одиночества?

– Так, за что будем пить? – спросил Сербриязов. – Предлагаю первую поднять за дружбу.

Выпили. Какие все-таки мелкие рюмки у начальства. Чем больше начальник, тем меньше рюмочка, как специально. И уже потащило из-под столов и столиков, как сквозняком, зеленой тоской, и уже дрогнули губы ранней позевотой, и заскучали бы друзья, но спасибо небесному созданию, она предотвратила такой ход событий, налила всем еще по рюмке – с «походом», как говорят у нас. И они ловко миновали ту зону разговора, когда водка еще не разожгла кровь, а без водки говорить не о чем. На самом деле, о чём? О никому не нужной реинкарнации? О новой пьесе Валентина Шекспирова? О погоде, которая всегда только ухудшается, как бы не выпуская нас за порог, дескать, и так много наследили?

«А коньяк-то дерьмовый, хоть и дорогой, – подумал Буратино. – Везде жулье, даже у модераторов».

Плох коньяк или хорош, но он кончается очень быстро. Пришла пора прощаться, записывать на листках, вырванных из записных книжек, телефоны, адреса, чтобы эти бумажные клочки исчезли уже сегодня к вечеру. Буратино давно заметил, что с телефонами начальства всегда что-то происходит: они или навечно куда-то пропадают, или, наоборот, мозолят глаза, попадаясь некстати в самое неурочное время, а чаще всего оказывается, что номера модераторов, адреса исполнителей никогда не существовали, во всяком случае там, где указано. Почти в любом случае толку от вашего обращения в народный дом – совершенно никакого.

Буратино склонялся к тому, что столкнулся ни с чем иным, как со звериным оскалом дряхлеющего либерализма.

И уже были поставлены на зеленое сукно необъятного стола пустые рюмки, и уже в тридцатый раз Народный Модератор объяснял Буратино, что правительству ничего не известно хоть о каких-то изысканиях в области реинкарнации или на предмет достижения бессмертия, и убираться бы Буратино восвоися несолоно хлебавши, но опять помогло небесное создание.

– Выпьем за любовь? – предложила она.

Василий Митридатович строго посмотрел на помощницу, но ничего не сказал, и она наполнила рюмки, достав непочатую бутылку из холодильника, замаскированного под книжный шкаф.

«Ведь правильно всё понимают, – подумал Буратино – а нам выламывают руки бестолковыми правилами...»

И он опять пожалел, что не взял с собой мадам Карабасову, вот порадовалась бы старушка. Хотя, какая она старушка, в ней полно молодой энергии.

После пятой реальность изменилась. Люди как будто стали добрее, включилось радио и рассказало о банковских ставках, зазвонили разом многочисленные телефоны. На дюжину звонков небесное создание ответило: нет его и не будет, он на совещании по совершенствованию демократии, его не будет вовек, не звоните сюда! Ей скоро это наскучило и она выключила телефоны. Проработала:

– Задрали уже своими просьбами! Неужели нельзя без них хоть один денечек, вот мы ни у кого ничего не просим, платите налоги и живите спокойно...

Небесное создание закурило сигарету, как-то сами собой расстегнулись на блузке две верхних пуговицы.

Василий Митридович снял форменный китель; блеснуло фальшивое золото эполет.

Изменившаяся реальность немного шумела в ушах, звала на волю. Подальше от контор и присутствий.

– Вызови машину! – приказал Сербризов Гаге. Та даже бровью не повела.

Он повторил приказ. Результат тот же.

– Мы на этой неделе не будем кататься на твоём драндулете, – сказала она твердо. – Шофера Митю и шофера Диму до сих пор держат в ментовской за вождение автомобиля в нетрезвом виде, так ты и не можешь позвонить, выручить парня... А на машине рассекать любишь...

– Не забывайся, девушка! – Модератор постарался придать своему голосу максимальной строгости, но умоляющие нотки прорвались сквозь общую сталь голоса и получилось довольно жалко.

«Правители называют себя властью, а над ними ещё большая власть – их любовниц, денег... Тощица!»

После седьмой рюмки реальность опять изменилась: Сербризов оказался на кожаном диване, лицом к стене, и храпел так, будто хотел нахрапиться на всю оставшуюся жизнь. А небесное создание (оказывается, все-таки ее звали Галой) – на коленях у Буратино.

– Ты правда весь деревянный? – интересовалась она. – Люблю твердых людей...

– Это очень хорошо! – поощрял ее Буратино. – А вот скажи, Василию Митридовичу ученые часто притаскивают, а они ведь притаскивают, всякие доклады? Об открытиях, новых разработках, испытаниях?..

– Конечно, докладывают, – ничего не стала скрывать беспечная девушка, – вот как раз сегодня утром академик Фоншульц прислал докладную записку по разработке brutального оружия... На этой неделе состоится закрытое обсуждение проблем предварительного бессмертия и элементарной реинкарнации...

Эх, девушки, девушки, кто придумал доверять вам важные государственные секреты? Буратино не задавал больше вопросов, Гала и так выложила всё. И больше того, она дала адреса, номера телефонов, указала даже приметы всех засекреченных ученых. Она раскрыла работавших на проекте, получившем кодовое название «Иммунитет на все времена».

– Это только так называется, – трещала Гала, – чтобы вражеских лазутчиков сбить с толку, пусть думают, что наши академики бьются над надежным и стойким иммунитетом от гриппа, а на самом деле идет разработка препарата, который как раз разрушает иммунитет всех видов и типов, в том числе иммунитет от круглого сиротства и лихорадочного родства...

– Так чего добиваются ваши ученые? – строже, чем прежде, спросил Галу Буратино. – А то ведь выходит..., выходит..., выходит, что вы работаете против всемирного родства?

Буратино, правда, пока и сам не знал: нужно ли ему это ожидаемое родственное нашествие?

– Конечно, против! – жарко зашептала девушка. – Вы только представьте себе, что объявятся огромные массы плохо управляемого народа, и что хуже всего – народа бессмертного. Невозможно предугадать и малую долю трагических последствий этого волюнтаристского шага, если усилиями здравомыслящих людей его не удастся все-таки предотвратить. Что будет, если все мы перестанем бояться смерти? Если вооруженная сила государства не сможет направлять народную энергию в русло, определенное вождями?

Хороша будет держава без мер защиты! Какой-нибудь писака тиснет в своей газетке гнусную ложь насчет оскорбительно мизерных пенсий или о голодающих стариках, или о лагерной пыли, которая не выветривается на нашем штите, – так вот невозможно покарать сочинителя – ты ему высшую меру, а он «международный трибунал в Гааге», ты ему киллера к подъезду, а он уже кроной на опушке дубравы шумит – успел по быстрому реинкарнироваться, превратился в дерево. Не поджигать ведь ради него одного весь лес? Мы, конечно, лес запалим, если что, но лес лучше продать, лес нынче – золотой. В буквальном смысле слова...

По большому счету, экономическая составляющая проекта «Иммунитет на все времена» – это миллиарды экзими, но правительство не пожалеет никаких денег, чтобы об этих разработках ученых не узнал никто и никогда! Для этого предусмотрены специальные меры, вплоть до насильственного превращения преступника, виноватого в разглашении тайны, в малопривлекательное растение или животное, например, в тасманского дракона или дурман-траву.

Пьяный Модератор завозился на своем диване, как медведь в берлоге, и внезапно ясно произнес:

– Стерва! Шпионка! Просплюсь – уволю!..

Буратино замер, не донеся рюмку до рта... Гала только рассмеялась:

– У нас в самом разгаре шпиономания... Все у всех на подозрении. Доносы поступают ежедневно мешками, аресты проводятся круглосуточно, допросы поставлены на поток, я слышала, что на новогоднем вечере после боя курантов предполагается провести под елкой показательные расстрелы...

Создан тайный комитет, который под видом всеобщего обязательного медосмотра собрал сотни миллионов досье. Мы тщательно изучили каждое, выбирали действительно достойных. Таких набралось триста семнадцать миллионов – продолжила Гала, – после завершения первого экзиста – во второй жизни – они получают право на постоянный человеческий облик. Которого, впрочем, они могут быть лишены – например, за распространение клеветнических сведений, шпионаж, деяния, направленные на подрыв нашей экономики, проституцию.

– А как же остальные? Люди?

– Ничего недостойного, всё как всегда. После окончания своего первого экзиста они получают право на второй, если, конечно, не запятнали себя связями с террористами, диверсантами, всякими либеральными писаками. Из людей, не попавших в число трехсот миллионов «достойных», многие также получают вполне приличный человеческий облик, но, конечно, попроще. Среди них не нужно искать дремучих красавиц наших подиумов, двухметровых кирасиров с нафабранными усами, народных артистов республиканских театров, бегунов на длинные дистанции, как не будет охотников и рыбаков, пожарников, но вполне достойные оболочки для себя могут обнаружить кочегары, экскаваторщики, а также поэты и прозаики, как один бородатые и голодные.

Кое-кого ждет сюрприз: он прямиком попадет на склад лежалых душ, где будет дожидаться подходящей оболочки. Это значит, что твои деяния не заслуживают порицания, как, впрочем, и похвалы...

– Я смотрю, вы тут разводите чистый фашизм, – сокрушенно сказал Буратино.

В это время Модератор (умеют ведь слышать сквозь сон) очнулся, сел, ошарашенно глядя на Галу, расположившуюся на коленях Буратино.

– Старый дружище! – произнес он. – Всё, что ты услышал сегодня – государственная тайна. Совершенно секретно! Поэтому считаю излишним говорить тебе о том, что за разглашение секрета полагается серьезная ответственность, вплоть до превращения виновного в верблюжку колючку... Так о чем вы говорили? – обратился он к Гале. – Надеюсь, не о брутальном оружии?

– Ни-ни! – приложила она пальчик к карминным устам. – Как можно! Ни слова лишнего не произнесено – ни о производстве пшеничных бомб, ни о разработке сонного оружия, ни о созданных подразделениях ядовитых ос...

Сербриазов налил себе коньяка, выпил, крикнул и опять повалился на диван.

Тайный комитет, рассказала Гала, не охватил проверкой только самого Народного Модератора. Он говорил, смеясь, самым близким (вот-вот, у начальства и повивальные бабки есть, и кумовья, – и всякой мелкой родни завались):

– Если всё пойдет вкривь и вкось, как у нас случается в любом деле, вам не придется долго искать виноватого, он здесь, он единственный, не прошедший тотального контроля...

– Но ведь такое невозможно долго скрывать, – сказал потрясенный Буратино, – рано или поздно всё откроется... Как бы вас на вилы не подняли...

– Надеюсь, что к этому славному часу истории нашего городка я вместе с Сербриазовым буду далеко-далеко, и в компании с другими достойными, может быть, взглянем на вас с клумбы... васильковыми глазами...

– Это просто чудовищно! – совсем рассердился Буратино. – Если я правильно вас понял, вы намерены разделить людей на «достойных» и «второстепенных». На чистых и неумытых? На несчастных и вечных счастливыхцев...

– Эта работа практически завершена, – сказала Гала. – Что бы там ни говорили, работа необходимая, полезная, хотя, не будем кривить душой, не каждый возьмется за нее – она требует не простой исполнительности. Надо было сердцем почувствовать грандиозность происходящего...

Гала излагала, как по писаному, как будто не пила:

– Вы хотите, чтобы вашим соседом по лестничной площадке был наркобарон, и по ночам к нему поочередно приходили бы то бандиты, то полицейские? Вас бы очень порадовало, если бы рядом поселилась самогонщица и с зари до зари в подъезде околачивались бы пожароопасные личности, а сам подъезд превратится в девятиэтажный нужник?

– Что вы такое говорите? – опешил режиссер кукольного театра.

– Ага! – закричала Гала. – Вам противно! И нам противно, еще как... Мы хотим жить среди людей и самим быть людьми, мы устали бояться отпускать детей в школу, с опаской по вечерам включать телевизор, бессильно возмущаться засилию иностранщины, низкопробной литературы, катастрофическим падением нравов...

– Ну надо же! – спорил с ней Буратино. – Вы таки приняли на себя функции, принадлежащие Господу Богу... А это великий грех!

– Я могла бы напомнить вам практику земных судов, легко отправивших, и поныне отправляющих, кого на смертельную инъекцию, кого на Гревскую площадь, а кого прямо к шерботой каменной стенке под дружное «пли!». Кто с кем

делился функциями? Человеческое мы всегда норовим представить божественным, а истинно божественное не можем даже распознать... Так что мы взяли на себя ответственность устроить мир по своему вкусу...

Гала толкнула Модератора, тот во сне зарычал и опять пообещал – на этот раз расстрел – за разглашение государственной тайны, и снова зарычал.

– Чего это он? – спросил Буратино у Галы. – Страшные сны замучили?

– Нет, он мечтает получить оболочку тигра и встретиться кое с кем на узкой дорожке.

– Вот как бывает! – сказал Буратино. – Вы себя выдали! Пять минут назад вместе со своим начальником вы уверяли меня, что слыхом не слыхивали ни о чем подобном, а, оказывается, вы тут даже в тигров научились превращаться.

Но Галу с толку не собьешь.

– Не превращаемся, а мечтаем превратиться! – поправила она Буратино. – А мечтать никому не возбраняется. Я много вам сегодня всего наговорила, – продолжила она. – Но это информация ОБС (одна бабушка сказала...). А вам, как серьезному человеку (Буратино приосанился), нужно обращаться к первоисточникам, ученым масштаба Федорова, Циолковского, Фоншульца...

– К таким, должно быть, не подступиться...

– Так и быть, я помогу вам, – сказала Гала и поцеловала Буратино, нежно прошептала ему на ухо: – Ты мне понравился своей негибкостью. Кто-то отнесет это к серьезным недостаткам, но только не я... Будь твердым, милый! Чувствую, что ты замышляешь что-то нехорошее против моего личного бессмертия, – сказала она, – но ничего с собой поделать не могу. Наверное, влюбилась! А может, ты прав, и жить вечно нельзя? Ну, как Мафусаил – можно потерпеть, а больше – скучно... Жить, всё время подавляя скуку, беспрестанно натываясь на одних и тех же знакомых. Ведь это будет мир, где все друг друга знают, как облупленных...

Буратино с удивлением посмотрел на Галу: и откуда что берется?

– Ну, я пока о бессмертии ничего почти не говорил, – сказал он, – и, если честно, то не знаю, каково быть вечным, до сих пор не пробовал... А вообще нетрудно представить этот мир, в котором двадцать раз просмотрен Штирлиц, десять раз перечитаны все книги, пережиты все романы с записными красавицами, бесконечно тянутся бракоразводные процессы и дележ добра... Стоит подхватить насморк, и будешь истекать соплями пять тысячелетий... Зато всё успеешь, – встал Буратино на защиту вечности, – и станешь свидетелем конца мира...

– Как же могут быть вечность и конец мира? – сама опешила Гала. – Или то или другое...

– В вечности уместается всё, – неуверенно сказал Буратино, – в том числе и конец вечности...

– Ренегаты! Шпионы! – еще на минуту очнулся Модератор. – Всех на плаху!..

– Не пугайтесь! – принялась Гала успокаивать Буратино. – Он вообще-то мухи не обидит, из него жена веревки вьет, а дети и внуки так верхом ездят... Но, конечно, засиживаться вам совершенно ни к чему. Он может отправиться попить пива с поддатными сантехниками Народного дома, вот он какой рубаха-парень, а может за простое опоздание отдать своего первого заместителя под суд! Лет восемь назад почти так и получилось. Школьная учительница поставила его внуку тройку по рисованию. Внучок этот, разгильдяй и большой мастер бить баклуши, конечно, был не Ван Гог, но учительница, начитавшись демократических писаний про равноправие, толерантность и всеобщую справедливость, додумалась (или враги надоумили?) поставить Вовчику тройбан. Прежде там и четверок не было – только пятерки. Все в школе выказывали отважной учительнице уважение, говорили, что готовы вместе с ней броситься на борьбу за права

человека. Дошло до того, что на улицах появились листовки с провокационным содержанием. «Мы хотим есть», «Мы любим свою страну!» – эти и другие безответственные высказывания были напечатаны в них. Страна затихла в ожидании ответного удара. В том, что он будет нанесен, сомневались немногие.

Учительнице рисования вечером позвонила закадычная подруга.

– Привет, Настасья, сто лет тебя не видела! – радостно завопила она в трубку. – Столько новостей! За ночь не расскажешь всего!.. Как у тебя со временем? Может, сегодня вечером посидим в нашем кафе, подгребай часикам к восьми? ... Ну вот и договорились! Да, чуть не забыла, ты не будешь возражать, если к нам присоединится пара художников? Как раз сегодня в нашем городе открывается интереснейшая выставка неформальной живописи «Авангард на пленере». Ты ведь любишь живопись, правда?

– Вообще-то, мне до сих пор не встречался человек, который ненавидел бы живопись. Бывают чудаки, которые ненавидят Боттичелли или Прундяйкина, но чтобы всю живопись целиком – таких не знаю...

– Тем более, – сказала подруга, и они расстались до вечера.

Учительницу давно никто не приглашал в кафе, да еще в компании художников-авангардистов. Ей сразу представились роскошные бороды, пропахшие трубочным капитанским табаком, нашейные косынки, умные разговоры про экзистенциализм, и обязательно про эротизм Пазолини.

Учительница перенесла на два дня собрание родителей, прежде объявленное на этот день; разговор о дерзком поведении старшеклассников не казался сегодня жгуче актуальным. Она приняла ванну, а потом сразу – душ, вылила на себя остатки Франции и вызвала такси. Таксист, удивленный тем, что, оказывается, и в такие трущобы вызывают такси, сделал скидку в тридцать процентов, и она подъехала к кабаку, как Сара Бернар. (Буратино не знал, была ли Бернар здесь хоть когда-нибудь и кто она такая.)

Подруга взмахнула руками и чуть не улетела в небеса, так силен был поднятый ею воздушный поток. С трудом ей удалось остаться на земле, и она стала представлять присутствующих.

– Знаменитый авангардист. Ученик самого Махорина. Лауреат престижных премий Артур Прундяйкин, – торжественно произносила она. – Надежда нашего искусства. Мастер абсурда. Гений сюрреализма Максим Ужаснов.

Оба художника оказались безбородыми, лысоватыми и под шафе; они уже пили пиво, не отказались и от водки, когда ее налили. Один всё время говорил: «Ну всё, хана!», «Хана девчонке!» или «Хана мальчишке!». Второй постоянно скреб лысину и невнятно ругался. Его мат делался членораздельным только в момент выпивки:

– Моп твою ять, – часто повторял он. – Халабурда какая-то!..

Учительница постаралась скрыть свое разочарование, уж так задавило одиночество. Она даже выпила несколько рюмок водки, еще до того, как подали заказанные блюда. Официант, как ломовик, притащил огромные тома расписания меню. И живописцы заказали, как бурлаки – мясо с мясом, водку с водкой. Подруга прятала глаза, разговор не клеился. Но водка пришла на помощь. С каждой рюмкой всё сильнее хотелось жить, отправиться в кругосветное путешествие на велосипеде с моторчиком, влюбиться в чемпионку по теннису и ревновать ее даже к теннисному мячику – к нему в первую очередь, учитывая, где хранятся запасные мячи во время игры.

Наконец, пиршество закончилось, взяли ресторанного дорожного вина и поехали «позировать» в мастерскую авангардиста, который сказал:

– Ну, хана нам всем, если после водки употребляем «Яблочное крепкое».

Второй художник только поскреб руками затылок.

Мастерская находилась в тмутаракани, поэтому ехали долго, еще в машине перецеловались и решили это продолжить... И продолжили бы, можете быть уверены, но они пропали – все четверо. Пятый – таксист. Исчезли, пропали, провалились. А может, их и не было вовсе? Так случается иногда... Мы уже говорили об этом. К сожалению, человек занимает так немного места, что злоумышленникам всё время хочется его похитить. Человек слаб, и его легко выманить из дома, пообещав какую-нибудь безделицу, а чаще – он клюет без всяких приманок.

Человек – труслив, но может быть, именно это спасает его от полного исчезновения с лица Земли?

Он отчаянно смел, пытается докопаться до начала времен, никак не меньше, и плевать он хотел на предсказания мудрецов.

Человек, облаченный в пудовые латы, прикрывшись пудовым щитом, размахивая пудовой же палицей, мчится на тяжелом коне в самую гущу битвы, где такой же джентльмен поджидает его с громадным отточенным топором – ярость, отвага, мощь! Ричард, Роланд, Артур – так, должно быть, зовут их. Но почему отважный рыцарь обрушился в обморок на притоптанную глину ристалища, едва заметил крошечную серую мышку? Теоретики турниров объяснили: «Нарушить хрупкий баланс сил в природе может и младенец, нужно только знать точки, куда нажимать». Так противоречив человек... Поэтому так часто он пропадает. А может, не только поэтому, а, Даня?

...Следователи, которые вели дело, подобались башковитые, въедливые, сразу отправились к художникам: где находятся такой-то и такой-то, безбородые и плешивые?

Таких никто не знал. Плешивых было сколько угодно, некоторые даже умели произносить «моп твою ять» и «хана нам, ребята», но не было среди них Артура Прундяйкина и Максима Ужаснова. С трудом вспоминали об авангардистах их товарищи по цеху, как будто они виделись с ними не вчера, а лет тридцать назад. Картин их не было обнаружено, в архиве нашлась записка М. Ужаснова в кассу взаимопомощи: «Прошу выделить мне денежных средств для строительства загородного дома и лечения хронического недуга (диареи)... В просьбе прошу не отказать. Аргумент: в случае отказа соседи грозились убить – истосковались по чистому воздуху, падлы...»

Следователи отправились в ресторан, где ужинали в тот вечер авангардисты со своими дамами: чем таким накормили здесь, что люди пропали? В ресторане следователей накормили селянкой, драниками и колдунами, принесли свежайшего пива и уверили сыщиков, что если пропавшие появятся, то тотчас охрана кабака просигнализирует куда надо.

Следователи (и откуда они всё узнают?) вычислили и мастерскую в тмутаракани, но и там найденные вещи – репродукция с картины Махорина «Поздняя осень», четырнадцать пустых бутылок из-под подсолнечного масла – не пролили свет на то, куда же подевались эти пятеро. Дело закрыли, а вскоре забыли про него. И только однажды троечник Вовчик сказал про учительницу Настасью:

– Будет знать, кому какие оценки ставить, крыса!.. Вот побудет крысой лет пятьсот – тогда поймет!

Но на эти слова недоросля никто не обратил внимания.

– Много страшного на планете, – сказал Буратино, выслушав историю, рассказанную помощницей Модератора, – только пригреешься, а уже пора бежать...

– Один мой знакомый любил повторять: «кто ищет, тот всегда уходит...», – сказала Гала. – Вот и вам лучше уйти... А может, и мне с вами?

– Пойдем! – беспечно сказал Буратино. – Вдвоем с тобой и пойдем...

Они покинули правительственное здание, оставив Модератора сладко сопя-

щим на диване. Уходя, прихватили с собой запас коньяку, хоть и плохонького, но дорогого. Пригодится. Коньяк всегда пригождается, не молоко, чать. Одну непочатую бутылку оставили Сербриязову, ведь не звери какие. Да и погоня, глядишь, задержится. Гала утверждала, что две недели запоя – не меньше – Модератору обеспечены... За две недели Гала с Буратино уйдут далеко. Можно даже получить бессрочную визу на Арктур; туда не дотянутся длинные лапы Сербриязова. А лучше всего превратиться в дубы... У меня есть ключик к самому главному академику, занимающемуся проблемами реинкарнации, Фоншульцу...

Гала однажды чисто случайно подслушала телефонный разговор Сербриязова с Фоншульцем. Они говорили по открытой линии, видать, никого не боялись, собаки. А обсуждали они параметры экспериментальной боевой установки «Инсекцид», которая позволяла управлять огромными массами комаров, мошек, прочего гнуса. Говорили, что это ужасающее по воздействию на человека оружие; от невидимых глазу насекомых спасения не было. Модератор и ученый цинично договаривались о сумме, которую в одном из посольств западных стран они получают за передачу секрета. Оба рисковали головами...

Гала по давнишней секретарской привычке записала разговор на флэшку, а когда поняла, что в ее руки попал убойный компромат на Модератора и Фоншульца, то сначала перепугалась, а потом подумала, что спрятанная флэшка может озолотить ее. А потом еще подумала и перепугалась еще больше; Фоншульц слыл хладнокровным, безжалостным человеком. Такой был готов на любую подлость. И Гала отдала компрометирующую запись Буратино, глядишь, сгодится в борьбе за вечную жизнь?

– Скоро будем жить долго, – сказала мадам Карабасова, – очень долго...

– Интересно, при этом мы будем стареть? – спросила Коломбина. – Или останемся восемнадцатилетними? Хорошо бы! А если попадешь в оболочку столетнего беззубого старика? Брррр... Опять же, любопытно, как женщина..., человек будет выглядеть в возрасте тысячу лет?

Азор хмыкнул:

– Вечность – только тем, кто ее заслужит и сдаст специальный экзамен, в том числе на внешность...

Буратино нахмурился. Опять он слышит о том, что вечная жизнь – на пороге мира, а может, всегда была с нами, только мы пользоваться ею не умеем?

Человек же норовит для одного себя ее спрятать, или продать по частям, или колуном ее по затылку, или отречься от нее – за полтину – навсегда...а?

– А как же ребята? – спросил Буратино. – Как мадам Карабасова? Как Джем Сладкий? Бросим их, а сами рванем в несгораемое царство-государство? Короче, туда, где нет труда и каждый день – выходной?

– Какие ребята? – искренно спросила Гала, – какая-то мадам Карабасова? Не бывает вечной жизни для всех... Вечная жизнь – дар бесценный – не дается вразвес, она как удар грома в январский морозный полдень. Знаешь, что такое бывает, а прогремит, и душа замирает... Это воплощенная мечта, может быть, самая заветная, самая горячая – быть всегда! При чем тут мадам Карабасова, чем она заслужила жизнь вечную? – не возьму никак в толк!

Буратино едва не поперхнулся от слов помощницы Сербриязова: вот какие эти кураторы – модераторы – провокаторы... Как ни рассказывают они о том, что питаются бросовой свеклой, пареной репой и бестелесным кормом либералов – щавелем и одуванчиками, нас они провести не могут: падаль – их пища – и от этого нутро у них гнилое. И даже если когда-то ты дрался за него, то это давно ушло в землю, как зимняя молния. Он был похож на тебя, но постепенно огонь глаз (а как они сияли!) потемнел, как костер в четыре утра, его стремительная походка превратилась в величавую поступь, вместо живой человеческой речи –

спичи, приказы, распоряжения...

А они еще плачутся промеж себя, дескать, никто их не любит, никому они не нужны... Когда они входят в комнату, то все в этой комнате умолкает и норовят убраться прочь, о чем бы интересном ни шел до этого разговор.

Буратино не сдержался, закричал:

– Бессмертие – всем или никому! И мадам Карабасовой, и Пьеро, и мне... Бессмертие – не трудодни, которые надо отрабатывать. Оно просто должно быть.

* * *

Надо сказать, что в этот памятный день компания подобралась особенно хорошая. Пришли Артемон, Пьеро, Коломбина – короче, вся труппа. Не пропустили высокое собрание Джем Сладкий, Грустный Гусак, про которого никто доброго слова сказать не мог, так он был засекречен, живописец Махорин – без пяти минут нобелевский лауреат. Пожаловала Мальвина. Знакомая с Галой, была улыбочлива, приветлива, а потом, закрывшись в туалетной комнате, ревела белугой. Приехала из своего далека Вера Филипповна, и, конечно, ничего бы не сварилось без мадам Карабасовой. Она стала капсюлем предприятия, она же кратко сформулировала цели и задачи образовавшегося общества (вот как бывает в наше время, расскажешь анекдот паре-другой приятелей, и вот уже партия «Общественного спасения» зарегистрирована в министерстве юстиции).

Поначалу мадам Карабасова, естественно, заострила внимание высокого собрания на сложности международного положения (что-то знакомое, правда?), потом остановилась на терроризме и заклеила наркоманию. Затем она сказала: «В общем, наше общество спасения (с того момента партия «Общеспас») открывает сезон борьбы за народные права. Мы требуем свободы реинкарнаций, приветствуем изыскания на предмет воскресения всех ушедших поколений, возвращение родни. Даешь вечную жизнь всем и каждому! Долой тайную научную возню за спинами трудящихся. Спасение – каждому!

Буратино скривился, как будто от зубной боли.

– Эта ваша программа потеряется среди рекламы прокладок, искусственной колбасы и мозольных пластырей, – сказал Артемон. – Я считаю, что для начала мы должны привлечь к себе, нашей партии всеобщее внимание, чтобы в памяти человеческой осталась нестираемая зарубка. Может, нужно кого-то обмануть? Желательно всех? Утраты эмоциональное возможных обретений. Можно запустить информационную утку, некий ходячий анекдот с именем неминуемо грядущего события... Да, я считаю, что физическое многолетие, а в конце концов реальное бессмертие возможны... Утка-заманиловка, не только денежная; пусть «Общеспас» будет на слуху. Пусть ему сопутствует скандал ли, сплетня ли – всё будет нам на пользу. А потом в мутной воде легче поймать любую рыбу... Хотя бы одну.

– Начинать с вранья как-то не очень, – сказала зареванная Мальвина.

– Что тебя смущает? Уж не формулировки ли? Назови злой навет «непроверенными данными», – и можешь умывать руки, – брехня уже приобрела изящество памфлета, неуязвимость безымянного фельетона! Вранье – оружие посильнее атомного и применяется чаще... Иногда невозможно определить, с какой стороны нанесен удар и кто ваш истинный союзник, и кто – коварный враг... Конечно, есть противники и посильнее вранья, но у этого оружия большой откат, бьет и своих и чужих.

– Сильнее брехни? – удивилась Мальвина.

– Конечно! – коротко ответил Буратино. – Правда, сильнее, но ее долго искать, может не хватить жизни.

Торжество правды – это праздник, который часто устраивают не для нас. На-

страдавшие от цензуры в годы тоталитарного контроля, люди бросились орать на площадях, писать толстые книги о застое, давать интервью и уверять, что жить было страшно, даже еще страшнее. Все вспомнят примеры произвола: у Федора Боброва-Куницына выкинули без сожаления последние три главы из его монументального труда о районировании страусов, Оболенский не смог добиться финансирования своего проекта трансатлантического моста... Короче говоря, после победы правды похмелье может быть некоротким, потом станут прощать каинов – широко, с застольем, девочками. Тут же могут наградить...

– Понятно, мы пойдем своим путем, – Буратино подвел черту под обсуждением. – Чего болтать, за дело! Помните, что мы пытаемся залезть в самые секретные мировые секреты, и, соответственно, они охраняются так, что мышь не пробежит не замеченной. Будьте осторожны! А сейчас слово одному полезному человеку...

Вперед выступила Вера Филипповна:

– Прошу поручить мне самое опасное задание. Чтобы с риском для жизни, чтобы с перестрелками, погонями, похищениями... Я жизнью своей не дорожу, смешно дорожить таким бессмысленным отрезком времени, поэтому могу без особых сожалений погибнуть за общее дело.

– Надеюсь, что мы сумеем обойтись без напрасных жертв, – сказал Буратино. – Наша задача приглядываться, прислушиваться, поднимать выпавшие записочки, переспрашивать, щелкать фотокамерой, подбрасывать сплетни в легковверные редакции газет и журналов, и анализировать, анализировать и еще раз анализировать все факты, даже все оговорки, относящиеся к интересующему нас делу. Возьмем не нитьем, так катаньем... Каждую странную историю, каждый анекдот про ученых, каждую байку тащите сюда, будем мозговать над ними – и уверен – до чего-нибудь домозгуемся...

– Всё понятно, – сказала Коломбина. – Мне как раз сегодня анекдот рассказали: «Мойша пришел устраиваться на работу в нефтяную компанию...»

– Еврейские анекдоты в нашей борьбе ряд ли понадобятся, – сказал Буратино. – Хотя...

Наконец, разошлись. Каждый получил задание и был чрезвычайно доволен этим обстоятельством. А когда еще поучаствуешь в тайном обществе? Когда прикоснешься к высокому народному порыву, когда ощутишь себя единым со всеми, кто называет себя буреветниками революций...

– Хорошо, если наше тайное (старушечье) общество продержится до утра, – сказал Пьеро. – Какой-нибудь капитан Ковалев уже включил «подслушиватель» – и чистая «дворовая» правда стала обильно наполнять специальные папки, которые могут очень пригодиться на суде.

Но Пьеро ошибся, капитан Ковалев в то утро еще не включал чуткие, умные приборы, которые могут улавливать шорох палых листьев сквозь толщину земного шара. Он вчера встретил одноклассника, и они дико надрались в каком-то шинке, и шпионское оборудование было включено на два часа позже обычного и, может быть, это избавило и Пьеро, и его близких от серьезных неприятностей.

Члены нового тайного общества (конечно же, партии), перед тем, как отправиться на выполнение порученных заданий, придумали лозунги и слоганы, под которыми им теперь жить, бороться. Среди них были и такие, как «Моя Родина – родня!»...

Придумали активисты общества и свой величавый гимн, правда, пока не родились еще достойные стихи на эту музыку, поэтому гимн пока исполнялся под гитару и выразительное мычание. Получалось на удивление красиво...

Прошла неделя, другая, а может, всё обошлось одним днем, – память так ненадежна...

...В одно прекрасное утро во всех доступных газетах появились сообщения,

что в магазины корпорации «Агропром», сочувственно относящейся к «Обществу», поступили в продажу так называемые «столетники» – наборы корней, фруктов, специальных добавок, после приема которых «жизнь человека продлевается на сто лет. Ученые близки к созданию «стопятидесятилетника» и даже «трехсотлетника». «Цены разумные, по два комплекта в одни руки не отпускается». Шутник Буратино дописал: «За качество столетия ответственности не несем». Может быть, именно эта строчка окончательно убедила граждан: вечная жизнь на пороге.

Джем Сладкий немедленно написал в своих газетках: «Когда мне довелось увидеть, как собирают эти растения, я понял, что люди зарабатывают миллионы, торгуя расфасованным сеном. Я не преувеличиваю – обыкновенное сено... И никого не могут исцелить эти пожухлые пучки травы, тем более прибавить век жизни... В ОБЩЕМ, на наших глазах родилась бандитская пирамида, которая будет эксплуатировать интерес к долгожитию. Но мы с вами знаем, что всё конечно, и хоть два стога целебного сена съешь – всё пройдет, как всё проходит, кончается в этом лучшем из миров»...

Но народ не читает ни газет, ни гламурных журналов, слухи – вот медиапространство большинства, и в этом пространстве он готов верить во что угодно, хоть в вечный двигатель и дармовой бензин..

* * *

Уже первые дни тайной партии оказались удивительно плодотворными, о них много судачили в обществе (так полагалось: все тайные общества и партии должны регистрироваться и платить специальную пошлину; чем выше пошлина, тем крепче сон у активистов партии). Джем Сладкий раскопал в архивах своих гламурных журнальчиков некое распоряжение, в котором делалось разъяснение по поводу правила публикаций рекламных материалов о новейших разработках в области практической реинкарнации. Это был факт! Правительство, шепчущееся по углам своих дворцов и вилл, запретило, кажется, всё на свете, а вот рекламу прохлопало. И в теляшке ползали танки, ракеты метко попадали в пассажирские самолеты, и чумазый громила с огромным пулеметом на плече пил из каски, кажется, человечесю кровь. И всё это можно было купить абсолютно недорого. А кроме того, принципиальные схемы боевой электроники, помидорные гранаты, ассенизационные боевые кассеты, грохопалы рассеянного действия, неубивальные пули и линотипы завтрашнего дня, и много других игрушек, полезных на войне...

* * *

Условились, что в ближайшую пятницу, тринадцатого, партийцы отправятся в один из дворцов Фоншульца и попробуют всё узнать из первых рук (из первых уст?).

Никаких революций, бунтов, даже интеллигентского мордобоя, только вежливые вопросы, только корректные ответы.

«Будьте любезны, профессор, приветствую вас, мадам Карабасова... Много о вас наслышаны. На таких людях галактики держатся, вы – мотор вселенной...»

В пятницу, помолясь, тронулись... Компания собралась пестрая, шумная, смутно представлявшая, куда она движется, а главное – зачем. Маня Зажиточная на всякий случай взяла с собой кое-что из продуктов. А также свои знаменитые лоскутные перины. Не забыли прихватить пару дюжин нераспечатанных колод игральные карты.

– Пригодятся... – кивнул Буратино, – в пути ничего не бывает лишнего.

Как будто они собирались не перейти с одной улицы на другую, а по мень-

шей мере совершить кругосветное путешествие.

Захватили и старый телефонный аппарат, может, пришел его час?..

Возглавил колонну Кирилл, бывший сексот, завербовать которого поручила партия Мальвине. Об этом речь еще будет.

Шли кучно, сосредоточенно, словно проникшись важностью задачи, которую поставили перед собой.

Только мадам Карабасова всю дорогу объясняла желающим принцип работы дискретной машины времени.

– В принципе, – говорила графиня, – нет в этой машине ничего сложного, любой семиклассник за пару часов может собрать ее из готового набора узлов и деталей.

– Где вы видели такие наборы? – строго спросил у лжеграфини Буратино. Мадам Карабасова, как всегда, не расслышала вопроса.

Да еще Джем Сладкий приставал к руководству партии «Общеспас» с вопросами – собирал интервью для своих журнальчиков. Буратино как-то заглянул в огромный блокнот, с которым Джем не расставался, и ужаснулся: «Буратино – посредственный художник, и мы легко простим ему этот грех, который искупается высоким талантом гражданина. Сегодня он возглавил партию, которая зовет всех нас в бессмертие, разве вечная жизнь не стоит “потертого занавеса?”... Он выбрал вечное существование, роль вечную, драму непреходящую, вместе с нами...»

По ходу движения колонна вбирала в себя новых сторонников, мадам Карабасова утомилась подписывать заявления всем желающим вступить в народную партию, принимался каждый клочок бумаги с закорючкой кандидата. Даже устные обращения делали тебя кандидатом «Общеспаса». Число партийцев увеличивалось с каждым часом, с каждой минутой...

Буратино тревожился: он не любил массовых шествий, митингов, маевок. Чем-то гнусным несло от революций и забастовок. Тот же Махорин говорил изумленно: «Ну почему всегда в революциях первым пропадает охлос, он забивается в подполья до следующего восстания сочинять про зеркало русской революции и с бомбой за пазухой дожидаться марта: то мартовские иды подоспеют, то первое марта на носу»...

Постойте, постойте, а где же Шура, лучшая подружница мадам Карабасовой? Как уехала она в свою Каталонию, так о ней ни слуху, ни духу. Неужели совсем пала духом? Не может быть, что от тоски она пристрастилась к соблазнительно дешевым местным винам (скажу по секрету, что особенно хорош красный вермут). Мне довелось пригубить этого напитка сиесты в погребеке, что притаился на самом берегу моря в Камбрильсе, и я понял, почему испанцы все как один романтики и поклонники женской красоты, без сожаления сжигающие души в пламени фламенко...

Но Шура равнодушно проходила мимо винных лавок. Ни Гвадалквивир, ни развалины римских стадионов – ничего ей было не мило. Она жадно читала письма мадам Карабасовой. Но не отвечала на них... Ей казалось, что они только добавят уныния, ведь она уже решилась на побег.

Она долго готовилась, изучала карты Испании, Франции, Германии и Польши, потому что решила отправиться на Родину пешком, в крайнем случае, на попутках. Это был ее вызов чужбине. А потом, ее вряд ли будут искать на проселках. Если вообще будут искать. Она выбрала день, когда внуки уехали по своим коммерческим делам – обычно они отсутствовали по три-четыре дня кряду, и Шура полагала, что ей дадена приличная форa. За четыре-то денька она, пожалуй, до красавицы-Барселоны дотопает. Она отрезала нетяжелый кусочек хамона, кусок хлеба, перекрестилась, написала внукам записку: «Простите, поймите, не могу без своего пыльного Уральска... Прощай, Испания!..»

Она неожиданно легко сбежала по ступеням крыльца и решительным ша-

гом пошла в ту сторону, где, по ее убеждениям, и лежала родная земля. Родина, родня... Куда без них?

Скоро утомилась, присела на некое подобие пенька, но тут же поднялась: в ее руках оказался старинный телефон, с оборванными проводами, весь облепленный прошлогодними листьями.

Шура не очень удивилась находке, точной копии аппарата мадам Карабасовой. Что-то должно было случиться, она была в этом уверена. Причем что-то хорошее. Посуди сам, на земле так устроено, что всего на ней поровну — добра и зла, радостей и печалей, но часто мы замечаем, что горестей накопилось больше, — так и норовят они вцепиться в вас без всякой очереди. И невольно начинаешь ждать: вот-вот и радость постучит в вашу дверь — только наберитесь терпения. Иногда его требуется очень много...

* * *

...Время от времени всемирные шпионы вываливали на головы простых душных граждан груды различной информации, чтобы по реакции людей узнавать настроения в обществе. Так вот, не вся информация была туфтой, шпионы к потоку лжи добавляли крупинцы правды, так постепенно отравляли правду, и были такие специалисты, которые ловко отделяли зерно от плевел и строили свою вредительскую деятельность исключительно на анализе туфты.

Все помнят дело Додика-Мравинского, который, анализируя динамику роста потребления контрацептивов, сумел раскрыть большую часть военных секретов противостоящих армий. Его, конечно, расстреляли. Но коммерческий шпионаж жив, курилка. Он хорошо кормит разведчиков, особенно тех, кто работает на две-три и больше контор одновременно... Это, конечно, опасно, но дураки не ведают страха... Они десятилетиями усиленных тренировок воспитывают в себе презрение к боли, равнодушие к равнодушию, холодную ухмылку в ответ на измену, ничего личного с врагами, а враги — все вокруг.

Любой шпион — глубоко несчастный, изломанный человек, который беззаветно любит родину, беззаветнее жены и детей. Будьте уверены, никто им не привозит в страны, где они шпионят, жен на свидания, их не приглашают в пионерские отряды рассказывать, какие пытки эффективнее всего применять к женщинам, чтобы вырвать у упрямцев секретные микросхемы или письма скрывшихся мужей, их мемуары издаются тиражом 1 экз. ...

Трудная у них жизнь. Пока вы в университете изучаете историю постимпрессионизма, они учатся стрелять стоя, лежа, с бедра, в полной темноте, на суше и на море. Они приучают себя обходиться краюхой хлеба и кружкой колодезной воды, хотя мечтают обжираться бифштексами с кровью, запивать мясо добрым элем, — и всё для того, чтобы жестокий враг не смог вырвать секреты родины даже под лютой пыткой.

Мальвина давно была знакома с одним таким сексотом, рыжим, лопухим; знакомясь, он с гордостью шепнул:

— Я — Кирилл... это мое общеупотребительное имя... но если вы пообещаете мне держать язык за зубами, я скажу свое подлинное имя.

— Валяйте свою кличку!

— Только это можно назвать иначе — псевдонимом, например... или никнеймом...

— Так валяйте свое прозвище! — потеряла терпение Мальвина.

Сексот надулся и произнес торжественно, как на митинге правых сил:

— Сфинкс Второй!..

— Сфинкс? — не удержалась и захохотала актриса. — Ушастый сфинкс... Лоппо-ухий... Извините, простите... не обижайтесь!..

Но сексот обиделся и перестал бывать у Буратино. А тут, на тебе, — партий-

ное задание: найти связи с тайными службами, секретными агентами, внедрить ячейку «Общеспаса» в одну, а лучше во все структуры Государственного обеспечения. Придется Мальвине возобновлять знакомство, может, придется даже извиниться.

– Это он у меня прощения просить станет! – надменно произнесла красавица и как в воду глядела.

Сексот едва услышал по телефону голос Мальвины, сразу забыл свои обиды, а также инструкции, в которых черным по белому (а может, у них белым по белому же пишут, чтоб ни свои, ни чужие не фига не поняли) было написано: «Не устанавливать с врагами связей, кроме разрешенных Модераторами. Будь суров с вражескими женщинами, все они – суть скверна...»

Он назначил ей свидание в Сиреневом садике, уже почти вырубленном, затоптанном, заплеванном окурками. Когда-то здесь, в самом центре города, была выстроена чудесная церковь – Александро-Невский собор, полюбоваться которым приезжал наследник престола. Вокруг здания высадили много сирени, акации, – так и возник садик, веснами накрывавший город головокружительными ароматами. В городском садике влюблялись, гуляли, слушали духовые оркестры; сюда заглядывал и я...

Она пришла на полчаса позже назначенного времени, Кирилл уныло стоял под часами, как остановившаяся стрелка городских часов. В руках он держал пышный букет дорожных тогда роз.

Он просиял, увидев девушку с голубыми волосами. У него даже дыхание перехватило на минуту-другую, никогда в жизни он не видел такой красоты, умело дополненной скромной местной косметикой и карандашами «стеклограф». У него вообще в глазах потемнело, когда Мальвина слегка прикоснулась губами до его чисто выбритой щеки. Он затрепетал, и ей на минуту стало его жалко. В самом деле, что светлого есть в жизни сексота? Ему некогда жить самому, он должен прислушиваться, приглядываться, подсматривать – и тотчас успеть донести добытое непосредственному начальству. А начальство не поспешает с наградами, премиальными, смотрит к чему придраться, угрожает отправить в Москву постовым полицейским, или расстрелом с рассрочкой на 300 лет.

– Все осужденные выбирают, конечно, расстрел? – поинтересовалась Мальвина.

– Бедняги! Они даже не представляют, через какие мучения им придется пройти, многие просят расстрелять их немедленно уже на второй день в тамошнем аду.

Для политических или сочувствующих родству выстроены тюрьмы нового типа, даже в карцере есть возможность выхода в Интернет. Тюрьма приготовила им даже развлечения. Тот, у кого есть деньги, может делать ставки в русской рулетке. В этой увлекательной игре совсем несложные правила. Ну, например, у вас в обойме пистолета девять патронов, но только один заряжен. Но какой – неизвестно. Стреляющиеся по очереди приставляют оружие к своей голове и нажимают на курок. Очки подсчитывать не нужно, а также голы и секунды. Всё заканчивается скоро, гремит выстрел – кто-то не угадал холостой патрон. Редкий игрок в эту рулетку доживает до седины, но какой это действенный антидепрессант!

Или тебя будят глубокой ночью и выводят вместе с другими обреченными на расстрел, привязывают к столбу, и вот сейчас прозвучит хлесткое «пли!». И вот вопль: «пли!». Сползают на землю тела казненных, но в тебя не попали, или оставляют тебе еще один день страданий? Это старые способы мучителей, а появились десятки новых. С применением высоких технологий: лампочки перемигиваются, как на новогодней елке, люди вокруг в белых халатах, ну разве могут они причинить хоть какой то вред, хоть крошечную боль? Ты даже не по-

дозреваешь, что это как раз специалисты Главного управления практических мучений и живодерства, и они мастера по превращению человека в визжащий комок невыносимой боли, и вот уже ты признаешься, что ты марсианский диверсант и твоим заданием было поменять местами стороны света, чтобы Африку поставить на место Америки, а Европы чтобы не стало вообще...

Или тебя десять раз на дню приводят в секретную лабораторию, где на тебе проверяют действие новейших фармакологических соединений, и ты видишь, как постепенно разрушается твое тело, тела других несчастных...

Но ничего об этом, как и о многом другом, не думал Кирилл, увидев девушку – тонкую, гибкую, с голубыми волосами.

– Ты пришла? – задал он дурацкий вопрос; надо сразу сказать, что он не умел блеснуть красноречием, как не удавалось это и многим другим ухажерам Мальвины. В основном из их влюбленных уст срывалось малочленораздельное мычание. – Ты такая красивая! – продолжал он, и Мальвина снова на секунду пожалела сексота, ведь, наверное, его никто не любит, и он вынужден стучать на родных и близких, знакомых и незнакомых, на богатых и бедных, на начальников и подчиненных, на всех, кто ведет разнообразную подрывную работу и тех, кто никогда не слышал о ней.

Они принялись ходить по улицам, он рассказывал ей о достопримечательностях, о том, кто из великих людей бывал здесь, восторгался городом, оставил нам свои воспоминания.

– Вот в этом доме, на втором этаже, Георг-Максим Восьмой прятался от полиции Георга-Максима Седьмого, – говорил Кирилл, и Мальвина не решалась спросить, кто такие эти Георги.

– А вот в этом особняке коротал старость Надсон, – продолжал Кирилл.

– Я слышала, что он умер совсем молодым, – вставила она словечко.

– Умер как раз другой, а этот дожил до наших времен, – сказал Кирилл, – и на склоне дней любил кататься на трамвае...

Они подошли к внушительному зданию с облупившимися стенами.

– Кинотеатр имени Революции, – прочитала знаменитая артистка. – А какой революции?

– Кажется, французской, – смутился Кирилл. – А может, в Бангладеш?

Откуда он мог знать, что отцы города чуть не подрались между собой, придумывая название кинотеатру, который соорудили из останков другой взорванной церкви. Сошлись на том, что величавее будет дать очагу культуры имя как бы всемирной, всеобщей Революции. Да содрогнется мировая контра!

– Зайдем, как раз сеанс начинается? – предложила актриса. – Сто лет не была в кино...

Кирилл просто ошалел от счастья: его воображение едва позволяло ему городские прогулки, бережное целование ручек, а полутьма зрительного зала казалась воплощением разврата.

Показывали какое-то американское кино. Еще до титров на экране что-то стало взрываться, к взрывам присоединились крупнокалиберные пулеметы, базуки, ну и, конечно, кольты, смитт-и-вессоны, беретты, маузеры... Оружия в картине было столько, что невольно можно было предположить: после завершения съемки вся эта броня, сталь и свинец пойдут на очередную мировую войну – и его хватит с лихвой.

Была в фильме и любовная линия. Герой, не снимая сапог, валяется на огромной кровати, прислушивается к передвижению танковых колонн, и тут к нему является остроумная, отчаянная блондинка, только что во время бомбежки потерявшая мужа, в голову которому попала 120-миллиметровая мина. Муж по инерции добил с роту солдат противника, сбил три вражеских вертолета и

только тогда повалился наземь, а из голливудских небес на него спланировал звездно-полосатый флаг.

Блондинка недолго была одна, ее вдовье одиночество скрасил главный герой картины. Это в подробностях показала кинокамера, фильмы без постельных сцен снимать не брались даже мультипликаторы.

И вдруг в самый разгар бесстыдного кинематографического поцелуя Мальвина почувствовала на своем колене робкую руку ухажера. Через какие нравственные муки прошел сексот, чтобы решиться погладить колено девушки – можно только догадываться, наверное, его подтолкнул пример киногероя, но прикосновение получилось таким нежным, таким обжигающим, что Мальвина с трудом удержала себя, чтобы не броситься немедленно в объятия Кирилла. Дело партии «Общеспас» было подвешено на волоске.

Но Мальвина взяла себя в руки – общественное выше личного, и резким движением сбросила руку Кирилла со своего колена.

– Что вы себе позволяете? – прошептала она, но услышали и на первом ряду, и на последнем, и все зрители в порыве негодования повернулись в сторону потерявшегося Кирилла. Ему бы спастись бегством, а он остался на месте. Принялся неуклюже оправдываться, а нужно сказать, что дело происходило как раз во время Всемирного месячника нравственности, и власти были строги в отношении лиц, попирающих нравственность, да еще публично. Кириллу грозила публичная же порка с телевизионной трансляцией в прямом эфире. Тогда прощай карьера дипломата, о которой мечтал юноша. Вся молодая жизнь может пойти наперекосяк. Хотя утверждают, что порка скорее виртуальное действие нежели силовое, но позор, конечно, несмываемый.

Кирилла схватили вооруженные блюстители высокой нравственности, затащили в участок, составили протокол, предложили Мальвине подписать его как потерпевшей стороне.

Актриса задумалась: по сути дела судьба сексота оказалась в ее руках.

– Я должна подумать, – сказала она. – Мне тоже небезразлична судьба молодого человека – а может быть, он просто оступился, действовал неосознанно, а теперь раскаялся...

– Раскаялся, раскаялся, – как эхо, повторил Кирилл. – Отпустите меня, я больше не буду.

– Ладно, – согласился начальник участка, – отпускаем тебя на поруки – на два года. Если за эти двадцать четыре месяца на тебя не поступит новых заявлений, то считай, что тебе крупно повезло... Впрочем, подвести под кнут тебя может и эта девушка...

– Могу ли я рассчитывать на вашу порядочность? Могу ли я спать спокойно? – пристал Кирилл к Мальвине. – У меня жена беременная, двое малолетних детей... Не обездолейте их.

– У тебя жена в положении, а ты чужих жен лапаешь! – всерьез рассердилась Мальвина.

– Я ошибся, простите...

Наконец, их отпустили, и они побежали каждый в свою сторону, но получилось, что все эти стороны лежали в одном направлении – к Буратино.

Он похвалил их за первую удачную операцию, сказал, что теперь народная партия «Общеспас» будет иметь своего сексота среди Модераторов.

– У нас есть даже такой? – едва ли не восхищенно взмахнула руками Коломбина.

– Знакомьтесь, его зовут Кириллом, – Буратино широким жестом указал на сексота. Тот зарделся, что ни говори, а приятно быть в центре внимания.

Но Буратино вернул его на землю.

– Вот что, дядя, мы тебе не сделаем ничего дурного. – сказал он. – Но при условии, что ты скажешь, где живет профессор Фоншульц и как к нему подбрататься... Не торопись говорить, что не знаешь...

– Да знаю я, конечно, – перебил сексот Буратино, – но вряд ли вам по зубам тамошняя система охраны... Говорят, что разработана специальная защита, которую нельзя преодолеть, вы не можете даже представить, какие научные разработки были проведены, попутно было сделано тридцать эпохальных открытий, а уж обыкновенных – целая туча!

– Не тяни время, говорю тебе, – рассердился Буратино. – Выкладывай адрес!..

Кирилл усмехнулся, сказал:

– Бери бумагу, записывай, я буду диктовать... Да бери бумаги больше.

– Такой большой адрес?

Кирилл усмехнулся еще:

– Профессор Фоншульц имеет в собственности тысячу двести квартир, сто пятьдесят бунгало, сто один замок... У него триста охотничьих домиков...

– За этим наверняка что-то кроется, – сказал Буратино. – Именно связанное с нашим делом...

– А еще он ежедневно изменяет свой облик, – напомнил Кирилл, – то он предстает в облике великого полководца Наполеона, то он появляется как Овидий Назон...

– Интересно как! – сказал Пьеро. – Если так глубоко что-то закапывают, то это «что-то», как минимум, дорого для того, кто прячет. Судя по всему, речь идет о небывалой ценности спрятанного... Грандиозность богатства, очевидно, кружит головы и наводит на мысль, что на кону самое дорогое. Уж не сама ли жизнь?

– Точно! Жизнь! – сексот опять выказал готовность стучать. – Мне приходилось не раз и не два присутствовать на секретных собраниях ученых, и вот что я скажу вам, друзья: в последние два-три года речь на них шла исключительно о проблематике укрощенного времени, теории и практике проникающих реинкарнаций, этике, эстетике и психологии подавления реального родства. Я и тогда понял, что это неспроста, в науке ничего не бывает случайно (ой ли?). Теперь у меня как будто глаза открылись, я уверен, что наши беспринципные «доценты с кандидатами» замахнулись на основу мироздания – всемирное родство. Уже сейчас отцы бросают своих детей, молодые матери оставляют младенцев в родильных домах, сыновья ни в грош не ставят заветы отцов. Зачем им большая родня? Им мерещится абсолютная власть: она, полагают доценты, дается вместе с контролем над бессмертием...

Когда страх смерти уступит скуке вечной жизни, может, наконец, настать золотой век и извести всех мугалимов, василевсов и Генеральных секретарей, как с заглавной, так и строчной букв. Черный хаос встанет тогда над бессмертной землей, ясные и четкие команды перестанут быть слышны всем и каждому: любой сочинит катехизис, вколотит свою голую правду на подвернувшиеся скрижали, и на месте вселенной взойдет целый куст мирозданий... Нет, нельзя развязывать пыльный холщевый мешок Пандоры, там припасены такие подарки, что от ужаса не сможешь даже разглядеть их, и никогда не расскажешь, что же будет с нами после бессмертия, или какого вкуса «солесахар», или где кончается бесконечная вселенная, – и опять придется придумывать новые законы природы и учиться правдоподобно их опровергать.

– Примерно так, а может, и вовсе по-другому, рассуждали хранители власти, – продолжил Кирилл, – но, должно быть, все они согласились, что народу бессмертие ни к чему, как и большая семья... Ледяное одиночество не так опасно державам, как счастливое семейное бытие, создающее вредные, наверняка

либеральные, иллюзии... В идеале, конечно, дать каждому по острову, и пусть себе вольнодумствуют... А Пятницу пусть-таки съедят дикари или он эмигрирует в Англию, твердыню конституционной монархии.

— Судя по всему, до сегодняшнего дня ты не числился среди карбонариев? — строго спросил Буратино. Он терпеть не мог стукачей, ябед и ура-патриотов, любящих отчизну на первое, второе и даже на полдник.

— Я многого не понимал, — стал оправдываться Кирилл. — Много не открылось и теперь, но после долгих размышлений я решил примкнуть к вашей партии... Надеюсь, что сослужу вам добрую службу.

Буратино не любил перебежчиков и хотел сказать Кириллу об этом. Но Коломбина его остановила: разве он полновластный хан, который в своей бескрайней степи кого хочет, милует, кого хочет, казнит?

— Да мне в общем-то почти всё равно, кто станет в стройные ряды вашей партии, — сказал обиженно Буратино. — Мне больше других, что ли, надо? Можете принимать в «Общеспас» хоть Джека Потрошителя!.. Вообще-то мне всё фиолетово...

Это была любимая приговорка, хотя он не мог толком объяснить, почему время от времени вспоминает ее.

И что это за среда обитания такая? — фиолетовая?

До Джека Потрошителя дело не дошло, а Кирилла приняли с обязательным трехлетним кандидатским стажем. Буратино все-таки настоял на том, чтобы было записано в протоколе партийного собрания его особое мнение.

— Как Председатель партии, я имею право на такое мнение, — сказал он, — иначе вступлю в Либерально-демократический союз.

Партийцы немного удивились капризу вождя, но не стали обсуждать этого до поры до времени.

— Я оправдаю ваше высокое доверие, товарищи! — прослезился Кирилл. — Я нынче чувствую себя обновленным... Думаете, что это легкий хлеб — быть секретным сотрудником? Не знаю, многие ли стучат по вдохновению, наверное, наушнический природный талант существует, но мне попадались только такие, кого безжалостная жизнь перегнула через коленку и поставила перед простым выбором: скажи «да» — и у тебя могут появиться деньги, настоящие, хрустящие, с какими-то бородатыми дядьками; вдруг подвинется очередь на квартиру и больше станет не нужным во время дождя ставить у кровати больной дочки эмалированное ведро и следить, чтобы его не переполнила ржавая вода с протекающей крыши; совершенно неожиданно подвернется трехнедельная командировка в Китай, где живут самые трудолюбивые в мире люди, придумавшие компас, бумагу и, кажется, ароматизированные презервативы. Впрочем, насчет презервативов не точно. Бумага — тоже сомнительное изобретение. На бумаге только доносы написано, — пояснил Кирилл.

— Мы тебя тоже заставим работать по специальности, — сказал Буратино. — Изложи нам на бумаге всё, что тебе известно о тайных, и явных тоже, изысканиях в области бессмертия, перевоплощений и, конечно, восстановления родства. Также придется напрячь шпионские мозги и вспомнить или придумать, как обвести вокруг пальца многочисленную охрану и добраться до неуловимого профессора Фоншульца.

Так начиналась народная партия, которой, может быть, предстояло стать величайшей в мире, если в ее идеологических построениях не прогрызут норы либералы.

Как-то само по себе получилось, что крошечная квартирка Буратино стала штабом народной партии; входные двери сюда теперь никогда не закрывались. В первый же день активисты натащили бумажек с печатями и без печатей, в папках, переплетенные, в пакетах и врасыпную; нечего было надеяться хоть

когда-нибудь разобраться в этих бумаженциях. Никто из партийцев не проявлял ни малейшего интереса к пыльным и пожелтевшим кипам. Письма были набиты слезными жалобами, отчаянными просьбами, но тверже гранита воля сплоченных масс. Любая самая революционная партия хранит в себе зародыши собственной гибели. Испытания баррикадами – первый тайм, а предстоит еще второй, а там дополнительное время...

Мадам Карабасова единственная, кто иногда выдергивала из кучи письмо-другое. После первого утреннего вермута, если он случался, она располагалась у телевизора в доме Буратино, выключала звук, который прежде, в допартийную эпоху, наоборот, прибавляла. Она читала: «Здравствуй, дорогая партия! Все наши пацаны за вас, я лично тоже за вас... Скоро выборы, и мы всем двором пойдем голосовать. Мы решили отдать свои голоса за “Общеспас”, молодую, нахрапистую, злую до власти партию. Мы уверены, что вы победите на выборах: вот тогда сообщая мы всех наизнанку вывернем... Наш адрес – на сайте. Девиз нашей боевой организации прост, и каждый может найти в нем особую прелесть, сыграть свою собственную нотку: “Бей первым!”. Честно скажите, вам хочется заехать кому-нибудь в морду? Вот и я промедлил... Для непосвященных есть адаптированная – на трех страницах – программа организации. Идите к нам!»

Но больше было других писем: «Помогите, ради Христа! В нашем городке давно никто не работает, негде. Старики зимой стараются подольше лежать под одеялом. потому что отопление за долги отключено и в квартирах холодно, как в Арктике. Заходишь в дом, и жутко становится: старики лежат, как будто смерти ждут... Молодежь – наоборот, встает пораньше и бегом на биржу труда, а там компьютер завис, к понедельнику обещают наладить. Помыкаются ребята, помыкаются да расходятся по бандам, прибиваются к разным бомбилам и экстрасенсам, в общем, по-честному не живут...»

– Мадам Карабасова, – подначивал ее Джем Сладкий, – как-то не верится, что ваши предки были аристократами.

– У меня есть документ, в котором черным по белому написано, что я графиня Шереметева, – горделиво, даже скорее величаво, произнесла аристократка.

– Вы так много мусолите эти эпистолярные вопли страждущих, что невольно возникает вопрос: не был ли ваш дедушка земским лекарем?

– Это гнусная ложь, – сказала графиня – У меня даже собаки с родословной...

В это время взгляд Председателя партии упал на листок плотной бумаги, лежавший прямо перед ним на письменном столе. Буратино готов был поклясться, что минуту назад бумажки здесь не было. Он взял ее, пробежал глазами и присвистнул:

– Вот это да! Кто-то потерял или специально подбросил нам ценнейший документ. Это поданное сто с лишним лет назад прошение на высочайшее имя «... на предмет продвижения в императорских университетах современных наук, обещающих в не столь протяженное время устроить удлинение жизни человеческой, навек...».

В этом же прошении речь шла о возможном воскресении всех предшествующих поколений. В тексте было много непонятного, Буратино вынужденно пропускал целые абзацы и колонки, но даже из того, что прочитали партийцы, было понятно. что мечты о бессмертии родились не вчера...

– Неужели человек может жить вечно? – загорелся Буратино – Или все-таки мы лоханулись? Кто-то купил нас с потрохами за тридцать семь копеек? Или все-таки?.. Нет?

– А вы представляете, сколько родственников поселится у вас? – вступил в дискуссию Азор. – Готовьтесь к тому, что среди них окажутся не только фрей-

лины ее величества, Шекспир с друзьями, учительницы, люди хоть сколько-нибудь образованные. А представь, что в квартире встали на постой парочка стрелцов, парочка пугачевцев, базарный скоморох, картежный шулер, конокрад, татарский мурза... А если все-таки дедушка Дарвин прав, то вы должны быть готовы заключить в свои объятия кроманьонского человека или дядюшку из мезозоя, – и это не самые неожиданные родичи. Хорошо, если в конце концов они не решат закусить вами...

Подал голос Пьеро:

– Теперь у нас есть партия, теперь у нас есть цель (уж какую сами выбрали), – поэтому надо в лепешку разбиться, но своего добиться. Не разговоры разводить, не прислушиваться к своим сомнениям, а шагать напролом. Только так мы сможем победить, только так. Дадим народу подлинно счастливую жизнь – бесконечную!

И еще одно: нужно обязательно побеждать в этой нашей борьбе, никаких компромиссов, никаких секретных договоров, предательства. На кону – жизнь!.. Но даже если там ничего нет, не было и не будет никогда, если рожденная во глубине подземных лабораторий обман-идея насчет всемирного родства и бессмертия очередной блеф, то мы должны быть благодарны уже только за то, что мы вместе...

– Ты сейчас вылитый Гарибальди! – заметил Буратино, а про себя подумал: «Ведь весь дом перевернут, превратят в какой-нибудь штаб, застрочат пишущие машинки, затопают курьеры, начнут приходить счета за пользование природным газом, водопроводом, электричеством, при этом суммы в них заставят думать, что их выставила сама страждущая природа. Сейчас потянутся, как журавли на юг, чиновничьи стаи – проверять пожарную безопасность, взимать штрафы, начислять пеню... Станешь злым, нервным, худым, будешь верить, что денег на свете очень мало и их едва хватает на Модераторов и их детей. Тебя начнут приглашать в президиумы, уговаривать, чтобы ты рассказал какому-то съезду о том, какие титанические усилия прикладывает (или не прикладывает) правительство для грядущего народного счастья. Станут скрестись в дверь тимуровцы, павликоморозовцы, скауты всех мастей, которым обязательно нужно, чтобы ты присутствовал на симпозиуме по электронным системам в банно-прачечной индустрии. И жизнь наполнится новым смыслом (спрашивается, для чего?), раздвинутся новые горизонты (а с прежними как быть, недораздвинутыми?), может, отпустит тогда ноябрьская тягучая тоска?»

В последующие дни поток свидетельств о том, что втайне, где-то в подземных лабораториях то ли Антарктиды, то ли, наоборот, Африки разрабатывается Микстура вечной жизни, которую шпионы и предатели, засевшие во дворцах Модераторов, стараются утаить от народа, только нарастал, причем большинство документов были почти на виду, куда только смотрели наши глаза? «Наверное, уже совсем скоро произойдут решающие события, – размышлял Буратино, – иначе невозможно объяснить беспечность тех, у кого в руках находилось чудо из чудес».

И все-таки, куда деваются пропавшие люди? На этот вопрос никто так и не ответил. Да и что можно сказать, ведь никто из пропавших так никогда и не вернулся. Даже предположений на этот счет не было. Все тогда думали: мы же не пропали, а это самое главное. Может быть, исчезнувшие состояли в «пропащей» секте и должны были перебраться в какой-нибудь укромный уголок, потому что люди им надоели своей греховностью. И сидят эти сектанты у себя в норах и в потолок поплевают...

Болтливое наше телевидение болтало еще больше – пугало внезапно обнаруженным одиннадцатым измерением пространства. Кажется, где-то в Австра-

лии измерением уже торговали оптом и на вынос.

* * *

Между тем бдительные специальные органы не дремали, плели тончайшие паутины заговоров, в которые – погодите чуток – попадутся все – и правые, и левые... И, конечно, многочисленные шпионы, диверсанты и разгильдяи. Даже в прессу попало, что в нынешнем году было открыто на сто тысяч уголовных дел больше, чем в 1913 году (шпионаж тоже квалифицировался как уголовное дело). Специальные органы были очень внимательны, не допускали, чтобы из поля зрения пропадал хоть один самый маленький человечек. А тут целый театр: так легки ватные головы, и от каждой искры может вспыхнуть большой пожар. Уморившись от необходимости произносить чужие тексты, актеры часто решаются говорить свои собственные, надерганные из Шекспира, Островского и Махорина, который на старости лет ударился в афористику. Ему приписывали крылатую фразу: «Если твоя Родина в одиннадцатом измерении, то не ищи дорогу в двенадцатое!»

Буратино о сексотах вообще не любил думать. «Пусть себе сексотят!» Он считал, что сексот Кирилл – единственный в труппе. О святая простота!

Разобраться с «Общеспасом» поручили летучему отряду Призраков Порядка, составленному из генно-реконструированных марсианских летучих мышей. Каждая мышка весила 120 килограммов и была вооружена электронной палицей с радиусом действия триста километров. Если вам будет известен пароль, то вы можете отправить палицу в Самару, или Конотоп, чтобы она поколотила там давнего вашего недруга... и бесшумно вернулась бы, как бумеранг, готовая и дальше защищать своего хозяина.

Командовал летучим отрядом прирожденный боец Страпон, старший сержант, кавалер ордена «Секьюрити второй степени», получивший свое прозвище за то, что отличился в уличных стычках с бастующими прачками. И с женщинами, протестующими против увеличения налогов, и с женщинами, которым нечем кормить своих детей. Страпон действовал быстро, безжалостно, беспощадно. Он всегда был готов прореветь команду: «Разрывными! Одиночными! Прицельно! Огонь!!!»

Отряд Страпона напутствовал седовласый полковник Жиган, участник пятнадцати войн.

– Ребятухи! – говорил он проникновенно в микрофон. – Отечество опять в опасности! Опять полезли из щелей и нор партии-шмартии, либералы-подавалы... Хотя небольшой кулек власти получить захотелось, порулить державой, при случае продать ее частями или всю сразу: «Заверните мне вон в тот большой мешок, а сдачу оставьте себе!» Невозможно на минуту расслабиться, отвернуться, так и норовят вырвать из рук хоть цукерку, хоть цидулку – лишь бы у кремлей каких-нибудь хоть минутку полежало...

– Не отдадим партиям на поругание нашу землю, нашу веру! Не отдадим, ребятухи? – прокричал Жиган.

И тесный строй дружно ответил:

– Не отдадим!..

И отряд бросился в погоню за оппозиционерами, хотя никто никуда не убегал.

* * *

Надо любить жизнь больше, чем смысл жизни... (из собрания сочинений мадам Карабасовой). Мадам Карабасова уверяла, что от роду не читала Томаса Карлейля.

* * *

...Как предупреждал бывший сексот, найти профессора непросто, хотя его

бронированный лимузин, еще больше бронированный, чем у Людмилы из производственного отдела, носился по улицам города; охранники не давали даже приблизиться к машине Фоншульца, открывали ураганный огонь без предупреждения. Люди недоумевали: кто такой этот профессор, почему его персона находится в таком исключительном положении? Почему его так усиленно охраняют? Может, он изобрел стратегический продукт – вечное масло, – чем больше его ешь, тем больше его становится? Или он научился получать из обыкновенной воды антрацит, и теперь отечественные металлурги будут сжигать ресурсы в три раза быстрее? Говорили тогда много, а толком никто ничего не знал.

А между тем в секретных подземных лабораториях Фоншульца его коллеги придумали целую кучу машин, приборов, приспособлений, в которых так нуждается человечество, можно сказать, с нетерпением ждет. Там были автомобили с квадратными колесами, которые вдвое эффективнее треугольных колес. Там пароход, размерами превышающий «Титаник», никуда не идет, потому что вмурован днищем в прибрежную скалу, – и многим это нравится. Этот корабль непотопляемый, он совершенно безопасен, недорог в эксплуатации. Там местные фармацевты получили первыми в мире яд, полезный, как витамин А. Там усовершенствована формула счастья и ученые все-таки плотную подошли к ответу на вопрос, в чем смысл жизни.

Но эти и многие другие изобретения никогда не будут выпускаться для широкой публики. Они признаны потенциально опасными для существования мира. Взять то же вечное масло, которого становится всё больше; еще десяток лет, и придется решать серьезную проблему: куда его девать? Предлагается создать двигатель внутреннего сгорания, топливом для которого станет вечное масло. Иными словами, научная жизнь на планете билась напряженно, и, конечно, здесь занимались и проблемами вечной жизни, и уж, само собой, бились над всемирным родством. Но как попасть туда, как прорваться сквозь барьеры охраны, стреляющей во всё, что движется? В то, что не движется, – тоже стреляли. Патронов у них завалились. Да и где находятся эти лаборатории? Известно, что под землей, но под землей места много.

– Нужно действовать, – не очень уверенно сказал Буратино. – Постараемся плетью перешибить обух, хоть что-то будем делать...

Бывший сексот Кирилл с горячностью уверял, что профессор недостижим, но он, Кирилл, берется провести своих новых друзей прямо в один из многих кабинетов коварного Фоншульца. Надо сказать, уверял сексот, что Фоншулец уже не тот, что прежде – либо устал, либо постарел, – нет былой резкости в движениях.

Бывший сексот шагал размашисто, многие партийцы не привычны были к быстрой ходьбе, да еще в строю. И вдруг Кирилл резко остановился, скомандовал:

– Всем приставить ногу! Мы на месте! Прошу вас без команды руководства партии ничего не предпринимать.

Колонна заволновалась. Многие новоиспеченные общеспасовцы предполагали, что после легкой прогулки состоится нечто наподобие семейного обеда, в крайнем случае – телевидение хоть приедет, расскажет, кто такой Малевич и где он применяется. Но быстро выяснилось, что не только не будет обеда, но и Малевича забыли в какой-то пивной, – вон их сколько, и везде дерут три шкуры с рабочего человека.

Перед партийцами вытянулась полоса высоченной и, кажется, бесконечной бетонной стены. За стеной высились серые же громады зданий – безликих, унылых, казалось, что люди не смогут здесь выдержать и часа, но выдерживали, да что с них возьмешь – марсианских выкормышей?

Сразу за стеной зеленели густые заросли колючек, на первый взгляд непроходимых. На второй – тоже.

Кирилл сказал задумчивым голосом:

– Здесь, около трехсотого подъезда есть человечек – его зовут Курносый, он должен всё уладить... Тише!..

И, как будто ожидая этих слов, из-за кустов показался человечек на велосипеде. На багажнике pedalной машины в картонной коробке позванивали пустые бутылки.

– Какой тонкий специалист! – восхищенно подумал Буратино. – Бутылки спасает...

Буратино не мог спокойно смотреть даже на спуск кораблей на воду; он как будто своим собственным телом чувствовал обоюдную боль корабля и бутылки шампанского в момент, когда они на глазах тысяч людей переходят в иное качество. Он ненавидел сдатчиков макулатуры, алчно следящих за книгами – если ты используешь книги как подставку под сковороду, сдатчик обязательно умыкнет книжку, шутка сказать, за килограмм книжного лома он получает чистоганом двенадцать копеек. А сколько на свете книг! Серьезные деньги! Так и писатели не сидят сложа руки...

Буратино считал, что вещи должны служить долго.

Велосипедист легко подкатил к общеспасовцам, которых отличало от прочих чудесное настроение, которое они и не скрывали. Больше того, они охотно вступали в дискуссии с прохожими, продавцами магазина фруктовых вин, хмурыми пенсионерами, ожидающими у сберкассы припозднившегося кассира.

Партийцы объясняли: – Нас привела сюда счастливая судьба... Из надежных источников стало известно, что каждый участник нынешнего марша получит в подарок капсулу с эликсиром молодости, приняв которую, он проживет дополнительно двадцать лет! Нельзя отмахнуться от такой редкой удачи. Тот будет большим дураком, кто не пойдет сегодня с нами к Фоншульцу. И это только начало! Великие свершения ждут партию «Общеспас», и главное – бессмертие человечества!

Буратино ужаснулся: откуда взялся этот бред? Он строго взглянул в сторону мадам Карабасовой – не ее ли проделки? Лжеграфиня являла собой жертвенное смирение, крайнюю деловитость...

– Друзья! – приступил к конкретным переговорам велосипедист. – К огромному сожалению, вашу проблему меньше чем за три литра красного столового вина не решить... Да и ребята из пулеметного гнезда тоже выпить хотят.

– Мы согласны, – сказал Буратино, – мы тоже понимаем эту жажду, и если бы располагали временем, то охотно присоединились бы к вам...

Буратино вдруг стало стыдно, и он никак не мог понять, почему.

– Сейчас такие строгости, – гнул свое велосипедист, – чуть не каждый день проверки, инспекции, смотры... Всё труднее простому человеку устроить себе праздник, отдохнуть душой, истомленной суровой действительностью.

– Мы согласны, – сказал Буратино.

– А может, и вправду посидим, как люди, а дела подождут? А? – загорелся человечек.

– Извини, коллега, – сказал Кирилл, – в другой раз вздрогнем, а сейчас нам пора... Одно дельце проверить надо.

Вино перекочевало из обширных хурджумов тети Фроси в бездонные карманы воинов, пулеметчики стали прощаться, искренно сожалея, что уходят такие компанейские ребята.

– Если что, зовите нас на подмогу, мы чаще всего отдыхаем за теми кустами...

– Кусты – великая вещь, – сказал Буратино. – Скольких бедолаг они приютили, скольких прикрыли от недружелюбного взгляда, увели от жестокой погони.

– Правильно толкуешь, товарищ, – сказал велосипедист. – Ты случаем не из этой самой партии – «Общеспас»?

– Из нее самой, – признался Буратино. – Вот пришли потолковать с академиком самым главным...

– Сейчас двинемся, мы вас проводим до черного хода. Только велосипед на стоянку поставлю, – и он приковал pedalную машину к железной решетке винного киоска, понадеялся: «Может, и не сопрут?!» У него внезапно прорезался фельдфебельский голос: – Всем идти друг за дружкой след в след, не повышать голос, резких движений не делать, не рвать с клумб цветы, не мочиться на впереди идущих, – и скомандовал: – За мной, вперед!

И полез напролом через заросли акаций, шиповника, сирени и каких-то необыкновенно злобных колючек.

Оставшиеся после испытания колючками общеспасовцы вышли на берег большого озера. На них было страшно смотреть. У многих была разодрана одежда, некоторые партийцы даже запросили бинтов.

Едва слышно плескала вода, может, это бесчинствовал разбойник этих вод – судак? Или на минуту из черной глубины, из-под черной коряги вынырнул почти бесшумно черный сом – нет, не нравится ему солнечный свет, ему и под корягой хорошо, как всегда счастливы и благополучны те, с кем сила.

В тени деревьев было прохладно, тут, наверное, обитал специальный ветерок, ласковый, но он как бы не давал забыть, что здесь, в степи, самый нежный ветерок через минуту может обернуться бураном, пыльной бурей, ураганом...

Над озером кружились чайки, время от времени обрушиваясь на поверхность воды; они взмывали потом с трепещущей серебряной жизнью в клювах...

– Озеро – это, конечно, хорошо, – сказал Арлекино, – но нам нужно увидеться с хозяином этой, с позволения сказать, дачки.

– Не спеши, папаша, – сказал велосипедист. – Тут тебе не присутствие, не челобитня... Договаривались через Курносого показать группе иностранных туристов саму зданию, вот она, здания, можете даже в помещении заглянуть, если внутренней охраны не опасаетесь, а насчет каких-то встреч разговора не было, да там и такса другая...

– Мы согласны, – быстро сказал Буратино.

Велосипедист удивленно воззрился на него:

– Три бутылки водовки вам не жалко?

– Ради встречи с хорошим человеком на всё можно пойти...

– Я всё устрою, – сказал Курносый, – а заодно посмотрите, как люди людей не обманывают. Только давай я устрою эту встречу сегодня? Часика в три-четыре? Вечер, полагаю, у меня сегодня будет занят, – вспомнил он как будто о намеченном побеге.

Велосипедист постучал по броне дота, та откликнулась колокольным гулом.

– Получите допинг! – закричал с радостными интонациями в голосе любитель бормотухи, и в ту же секунду на броню высыпали бойцы – четверо долго-вязых, лысых – «под ноль» – громил. Они в мгновение ока откупорили бутылки и стали поглощать содержимое прямо из горлышек. Через пять минут бутылки опустели, их бережно упаковал в пластиковый пакет Курносый.

– Теперь покажите, как пройти к профессору, – сказал Буратино, – народ чаёт бессмертия...

Народ, едва оправившийся от колючек, с опаской осматривался, переговаривался друг с другом, следил – не началась ли раздача таблеток жизни? Те, кто боялся инъекций, выводывали: уколы будут внутривенные или внутримышечные?

Буратино боялся и тех, и других... Едва первые партийцы переступили порог огромного помещения, как мадам Карабасова развила бурную деятельность.

– На пол не плевать! Не бросать окурки!

Ей так нечасто доводилось прибираться у себя в «небелом доме», да и в

любом другом, что она охотно бралась за эту нудную работу. Тем более что Буратино поручил ей возглавить для этого небольшую группу общеспасовцев.

– После нас как Мамай прошел, – сказал он. – Нам ни к чему обращать на себя излишнее внимание праздной публики. Мадам, не возьмете ли вы на себя общее руководство по наведению порядка?

Поредевшая, но еще внушительная толпа глазела на огромные здания. Высоко в небе, почти у самого солнца кто-то включил зуммер. Его комариное зудение быстро превратилось в свист бормашины, и тотчас свист этот обернулся воем sireны воздушной тревоги. Курносый задрал голову и увидел, как из-за ближайшего облака вынырнул летающий мотоцикл, на сорока кожаных сиденьях которого размещался отряд марсианских призраков порядка. Их предводитель заорал:

– Все находящиеся на поляне и проникшие в здание – арестованы! Полундра!!! – выказал он свое морское прошлое, хотя откуда там, на Марсе, вода? – Всем остановиться, руки за голову! – орал марсианин. – Вам всем будет предъявлено обвинение в терроризме, шпионаже, проникновении на совершенно секретные объекты!..

– Кто это здесь вякает? – прокричал один из пулеметчиков. Они удивительно проворно скрылись под броней дота, затолкав впереди себя наших общеспасовцев.

– Здесь мы в безопасности, относительной, – сказал боец Буратино. – Их дубинки нам по фигу... Но если они сумеют применить новейшее оружие – грохопал дальнего огня, то нам всем кашпец... Дело хреновое... Правда, один из ординарцев сообщил, что профессор таки появится сегодня.

– Даю вам одну минуту! Сдавайтесь, бросайте стрелковое оружие под ноги! Иначе узнаете силу наших несокрушимых палиц! – вопил Страпон. Он явно медлил, должно быть, не успели таки разобраться марсиане в новейшем грохопале?

И этой минуты вполне хватило пулеметчикам, подкрепленным винцом, чтобы открыть ураганный огонь. Посыпалось битое стекло... Обрушились многотонные зеркала, град хрусталя засыпал по пояс мраморные полы... Грохот от пулеметной стрельбы стоял оглушительный, он отражался от высокого купола этого огромного помещения и еще усиливался. Казалось, ничто живое там не может уцелеть. Пулеметные очереди хлестали по стенам, увешанным тицианами – буттичелами – верещагиными, и драгоценные эти полотна обрушивались со стен, ломался багет, который прежде казался из чистого золота.

Всё закончилось за полчаса. Марсианские призраки не ожидали такого напора, в беспорядке отступили, бросив свой гигантский мотоцикл. В него тут же попала граната, превратив хваленую марсианскую технику в грудку искореженного металлолома.

– Всё, кашпец настал! Захлебнулись пулеметы! – закричал один из пулеметчиков. – И на старуху бывает проруха!

– Хозяевами всей Земли мнили себя, собаки. Помните, как прошлым летом мы вместе с этими марсианскими тараканами были на ученьях и стояли рядом на берегу Деркула? Тогда многие интересовались: неужели они орудуют палицами весом 120 килограммов? Правда, что они никогда не спят и видят ночью, как днем? А не брешут ли, что сами они слеплены из простой красной глины? И верен ли слух, что они панически боятся воды, вообще сырости?

И тут последняя граната взорвалась в фонтане, журчавшем в центре циклопического помещения, и внезапно повисла полная тишина.

Слышно стало, как где-то надрывается жаворонок...

Минск, 14 августа 2024 г.